

Ковалевский Е.П.

ПУТЕШЕСТВИЕ
В

КИТАЙ

в 2-х частях

Ковалевский

Собрание
Сочинений
Том 3

Егор Ковалевский

**Собрание сочинений.
Том 3. Путешествие
в Китай в 2-х частях**

«ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ»

2017

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

Ковалевский Е. П.

Собрание сочинений. Том 3. Путешествие в Китай в 2-х частях / Е. П. Ковалевский — «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 2017

ISBN 978-5-9500068-3-8

В третьем томе настоящего собрания сочинений Ковалевского Е. П., дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля, описаны события 1849-1850 гг., когда Егор Петрович был командирован в качестве пристава для сопровождения в Пекин 13-ой Русской духовной миссии. Итогом этой поездки стало заключение Кульджинского трактата в 1851 году, имевшего важное значение для развития российско-китайских торговых отношений. Издание оценят все, кто изучает историю российской дипломатии и геолого-географических исследований середины 19 века, а также широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

ISBN 978-5-9500068-3-8

© Ковалевский Е. П., 2017
© ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ, 2017

Содержание

От издателя	6
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	24
Глава VI	27
Глава VII	32
Глава VIII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Егор Петрович Ковалевский
Собрание сочинений. Том 3.
Путешествие в Китай в 2-х частях

© ООО «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 2017

* * *

От издателя

Настоящий том печатается по книге 1853 года «Путешествие в Китай Е. Ковалевского, в 2-х частях», изданной типографией Королева и К^о, и охватывает события 1849-1850 гг., когда Егор Петрович был командирован в качестве пристава для сопровождения в Пекин 13-ой Русской духовной миссии. Итогом этой поездки стало заключение Кульджинского трактата в 1851 году, имевшего важное значение для развития российско-китайских торговых отношений.

Пунктуация и орфография в настоящем издании приближены к современным нормам русского языка, географические названия и имена собственные оставлены в тексте в написании предыдущего издания с сохранением всех встречающихся вариантов.

Примечания настоящего издания выделены курсивом.

Выражаем искреннюю благодарность Министерству иностранных дел Российской Федерации за поддержку проекта, Начальнику Архива внешней политики Российской империи Поповой Ирине Владимировне и сотрудникам Архива Волковой Ольге Юрьевне и Руденко Алле Владимировне за внимание и неоценимую помощь; Посольству Российской Федерации в Китае за отклик и предоставленные фотографии; коллективу Протопоповского УВК Дергачевского районного совета в лице учителя украинского языка, краеведа Остапчук Надежды Федоровны, Фесик Вероники Владимировны, а также Мельниковой Людмилы Григорьевны, которой, к глубокому сожалению, уже нет среди нас, за большую организационную и научную работу по увековечиванию памяти писателя на его родине – в селе Ярошивка Харьковской области.

Часть первая

Глава I

Сборы и отправление за границу. – Первоначальные сношения русских с Китаем. – Причины основания российской духовной миссии в Пекине и трактаты, подтвердившие ее существование и упрочившие наши связи с Китаем.

В России большие переезды – дело обычное. Путешествие до Кяхты, в отдаленный угол Восточной Сибири, на границу Китая, почти за 6,500 верст от Петербурга, не представляет ничего необыкновенного читателю, которому этот путь, конечно, очень хорошо известен.

Кяхта была починным пунктом нашего караванного странствования. Заботливое иркутское начальство, задолго еще до моего приезда, приняло все меры для снаряжения миссии. Но не надо забывать, что нам предстоял путь через всю пустынную Монголию, – а путь этот, в оба конца, продолжается, по крайней мере, пять месяцев, не считая зимней стоянки в Монголии, где сухари и припасы сберегаются в юрте или яме, и после того должны быть опять пригодными в пищу или в дело, – что мы везли с собой не только припасы для себя и провиант для казаков, но и серебро, на время всего продолжительного пребывания миссии в Пекине, и вещи собственно ей или церкви принадлежащие. А потому, было-таки о чем подумать и похлопать до отправления в дальнейшую дорогу. С нами было более 500 лошадей, недавно пригнанных со степи, полудиких, которых не было возможности приучить в короткое время к упряжи; верблюды были также необъезженны; только быки и бараны, как бы чувствуя свое предназначение, были смирны и не представляли никаких затруднений для гонки их в пути.

Я прожил более двух недель в Кяхте, несмотря на нетерпение китайских приставов миссии, давно уже приехавших из Пекина. Наконец, все было принято, взвешено или сосчитано, и день нашего отправления окончательно назначен.

Улицы Кяхты, большей частью пустынные, были запружены народом; обоз, состоящий из сотни одноколок и повозок, табуны лошадей, верблюдов, быков и баранов стекались на площадь, у пограничных ворот. Ударили в колокол, и народ отхлынул с площади в церковь. После обедни, молебна и окропления святой водой, отряд казаков, назначенный для дальнего пути, и мы все отправились на прощальный обед, который давало нам кяхтинское купечество. В 12 часов началась отправка обоза и табунов, которые счетом принимали китайские и монгольские пристава, при посредстве чжаргуци, или, как здесь называют, заргучея, китайского пограничного начальника. В 5 часов отправились и мы. Не знаю, как уж мы протиснулись сквозь толпы народа, стекшегося в Кяхту из-за 500 верст и даже далее, – русских, монголов и китайцев. Первые пришли для испрошения благословения отца архимандрита¹, начальника нашей духовной миссии, для прощанья с родными и знакомыми казаками, для пожеланий различного рода и других целей; последние – просто из любопытства. На пути через Май-ма-чен мы зашли к заргучею на чашку чаю: таков уже обычай. Май-ма-чен – китайская деревенька, лежащая против Кяхты. В них обеих не наберется 500 человек жителей, а между тем здесь производится один из самых значительных меновых торгов, простирающийся на сумму до 50 мил. сер. оборота с обеих сторон. По выходе от заргучея, нам предстоял важный труд пробраться сквозь толпу, которая, если не увеличилась, то сделалась

¹ Кафаров П. И. (архимандрит Палладий), начальник 13 Русской духовной миссии в Пекине. – Прим. ред.

гораздо гуще в тесных улицах Май-ма-чена. Наконец, мы кинулись в первые попавшиеся экипажи и понеслись...

Прощай Россия! Часто покидал я тебя; казалось, мог бы и свыкнуться с этой разлукой, а все-таки, каждый раз, что оставляю позади себя пограничные ворота, золотой крест церкви, или, просто, пестрый шлагбаум бывает как-то неловко в груди. Теперь, эти торжественные проводы при звоне колоколов, при всеобщем прощанье, плаче и рыданиях, слышавшихся отовсюду, теперь все это щемило сердце больше обыкновенного.

Мы выехали 19 июля 1849 г. Кяхтинское начальство, купечество и собравшиеся в Кяхте знакомые миссионеров провожали нас до первой станции, отстоящей всего верст десять от границы; первый переход никогда не делают больше, – не успеть.

На другой день мы были поражены самым необыкновенным образом. Многие миссионеры и в Кяхте, под кровлей дома, уже сильно терпели от жаров, а дорогой, под открытым небом, на солнце, беспрепятственно палящем среди степи, они приготавливались страдать еще больше; а потому только и забот было, какое бы платье придумать полегче, какие бы прохладительные меры принять против жаров? Каково же было их удивление, когда, проснувшись под влиянием самых неприятных ощущений, они увидели, что ртуть в термометре опустилась чуть не до точки замерзания!

Вскоре, однако, собравшиеся около костров, на большом пространстве лагеря, пестрые толпы народа зашумели весело; чай и прощальная чарка разогрели кровь. Опять прощанье! Еще помолились на крест кяхтинской церкви, который был виден издали и отправились, одни на север, домой; другие далее, на юг...

Остановимся здесь на время, и изложим, хотя коротко, наши отношения к Китаю, первоначальные с ним связи и причины основания российской миссии в Пекине; иначе, многое покажется непонятным для читателей, не совсем посвященных в историю здешнего края.

Наши сношения с Китайской империей начинаются со времени появления сибирских казаков в Даурии. Казаки выступили из Якутска, отыскивая не новые царства и земли неизвестные; но леса, обильные пушными зверями и людей, богатых звериным промыслом; они переправились через озеро Байкал, поднялись по Селенге, и вскоре очутились на реках Шилке, Аргуни и потом на Амуре. Нет сомнения, что по обычаю тогдашнего времени, и по своему обычаю преимущественно, казаки начали свое знакомство с маньчжурами, нынешними владельцами Китая, с мечом в руке, и порешили обладание страной, в которую вступили, правом сильного; но есть также доказательства, что они, в свободное от драки время, пересылались с местными властями, по восточному обычаю, подарками и поклонами и посылали своих людей для разведки далее вглубь земель, в которые входили без всякого руководства, без компаса, ощупью. Таким образом, наши архивы упоминают о двух грамотах китайских императоров, Ви-ли и сына его Чжу-Хуан-ди, из последней китайской династии Мин; первая из этих грамот относится к 1619, а вторая к 1649 годам.

Старшина Поярков, отыскивая серебряные руды, первый достиг Великого океана, спустившись по Амуру. Это было около 1644 года. Он возвратился по речкам Алдану и Лене.

В 1647 году является на берегах Амура известный Ерофей Хабаров. Это уже не простой искатель приключений и добычи! Хабаров был богатый житель Великого Устюга и руководился целью, более разумной. Явившись на берега Амура с 150 человеками, он подвигался вперед, обеспечивая свой путь построением острожков, в числе которых был и Албазин, и приведением к покорности народов; о чем и донес царю Алексею Михайловичу, присоединив к своему донесению 120 сороков соболей и множество лисиц, в виде дани от вновь покоренных народов. Государь послал Хабарову и спутникам его 300 золотых медалей и вызвал его самого для устных объяснений, а во вновь завоеванный край отправил князя Лобанова и Зиновьева с 3,000 человек.

К этому отдаленному времени должно отнести счастливую мысль, завести прочные политические и торговые сношения России с Китаем, которые, конечно, могли доставить выгоды, если не столь блестящие, как завоевания казаков, то гораздо надежнейшие. Эта мысль родилась в дальновидном уме царя Алексея Михайловича, который, по вызову Хабарова в Москву, в 1653 году, решился послать первое посольство прямо в Ханбалык (Пекин), с грамотой от своего имени к богдохану. Инструкция, данная по этому поводу посланнику Байкову и сама грамота чрезвычайно любопытны, как первые дипломатические акты наших сношений с Китаем; но здесь не место распространяться о них; скажем только, что одно из данных Байкову поручений было уговорить китайских купцов завести с русскими беспопытливую торговлю.

К сожалению, ни посольство Байкова, ни последующая за тем попытка возобновить наши сношения через бухарца Аблина и боярского сына Перфильева, ни, наконец, вновь отправленный в 1675 году посланец Спафари, переводчик посольского приказа, не имели успеха в Пекине. Причины тому надо искать не в неправильно рассчитанных и соображенных предположениях правительства, действовавшего с удивительной в то время дальновидностью и настоянием, без всяких почти данных для своего руководства; но частью в самих исполнителях его поручений, а частью в обстоятельствах, сопутствовавших их исполнению. Все помянутые люди были слишком не опыты и неловки в делах, которые случайно выпали на долю их, и, можно прибавить, не образованы при дворе одного из ученейших императоров, Кан-си, который в то время уже был окружен иезуитами. Таким образом, когда Кан-си, на одной из аудиенций, спросил Спафари, учился ли он астрономии? Тот отвечал утвердительно; а когда богдохан приказал ему объяснить положение звезды *золотой гвоздь* на небе, Спафари отвечал, что «Я де на небе не бывал и имен звездам не знаю». Но, повторяю, главнейшая причина неудачи этих посольств заключалась в обстоятельствах, сопровождавших их: в то время, когда велись дружеские переговоры в Пекине, казаки не переставали делать свои набеги и грабежи на границах китайской империи и тем возбуждать справедливое ее негодование против русских.

Наконец, пекинский двор, не получая никакого удовлетворения на жалобы свои, относительно нападений на границы и выдачи бежавшего из Китая Тунгузского князя Кантимура, жалобы, переданные нашим посланцам и изложенные в листах, которые получены путями очень отдаленными, то через Архангельск, от бывшего в Пекине голландского посольства, то через Испагань, посредством иезуитов, распространявших в то время повсюду свое нравственное господство, — пекинский двор двинул целую армию на берега Амура (в 1684 году). Русское правительство, увидя, что дела с китайцами принимают важный вид, дало уполномочие окольничему и наместнику брянскому Федору Алексеевичу Головину порешить дела с китайцами на нашей границе; для чего вверило ему отряд из 500 стрельцов и 1400 человек сибирского гарнизона. Посол Головин был у руки государей Иоанна и Петра и государыни Софии 23 января 1686 года.

Явившись, после продолжительного путешествия, на наши границы, он должен был начать военные действия с монголами, возбужденными против нас китайским двором. Если мы упомянули о славных людях Пояркове и Хабарове; то не должны умолчать о двух других, не менее прославленных этой эпохой и, подобно первым, живущих еще в памяти забайкальских жителей: это о Демьяне и сыне его Петре Многогрешных, из которых первый был гетманом в Малороссии и, сосланный в Сибирь, поселился в Селенгинске.

Последствием посольства Головина был заключенный в полуверсте от Нерчинска, и потому названный нерчинским, первый трактат между российской и китайской империями. Трактат этот, написанный на русском, маньчжурском и латинском языках (он был заключен при посредстве иезуитов со стороны китайской) и подписанный уполномоченными обеих

сторон 23 августа 1689 года, относящийся преимущественно до разграничения двух империй, слишком известен и мы не станем распространяться о нем.

Между тем, войска, посланные богдоханом Кан-си, осадили Албазин; войска эти в несколько десятков раз превышали слабый гарнизон албазинского укрепления, и потому немудрено, что после продолжительной осады и битв, истребивших большую часть гарнизона, они принудили его, наконец, сдать укрепление. Уцелевшая часть гарнизона уведена была в Пекин, скорее по добровольному соглашению пленных, чем силой; принуждаемая обстоятельствами, она последовала за своими победителями, взявши с собой и священника, отца Димитрия. Люди эти составили роту солдат гвардии богдохановой. Впоследствии времени священник, по старости лет, не в состоянии был удовлетворять духовным нуждам своей паствы, и бывший в Пекине торговый комиссар Осколкин просил трибунал внешних сношений дозволить прислать другого священника для албазинцев. По докладу о том богдохану, он согласился на присылку священника; но не иначе, как, чтобы с ним вместе был прислан и доктор, сведущий особенно в лечении наружных болезней, разрешив им приехать с китайскими посланцами, отправленными с согласия российского двора из Пекина к Аюке, хану волжских калмыков, подданному России. Русский двор с удовольствием принял это предложение, и в 1715 году, 20-го апреля, вместе с китайским посланцем Тулишенем, отправил в Пекин свою первую духовную миссию, состоявшую из архимандрита Иллариона, священника, дьякона и семи причетников, которая и принята была милостиво в Пекине. Находился ли в числе семи причетников доктор, – это осталось неизвестным.

С этого времени русский двор, при всех сношениях своих с китайским правительством, не переставал заботиться о наших священнослужителях и о пастве, назидаемой ими. Таким образом, когда Петр Великий решился отправить опять посольство в Китай, по случаю препятствий, вновь возникших для нашей торговли в Пекине и неудовольствий китайского правительства, возобновившихся за не высылку перебежчиков, чрезвычайному посланнику гвардии капитану Измайлову поручено было взять с собой иркутского архимандрита Антония Платковского, на место умершего в Пекине о. Иллариона и просить китайское правительство о дозволении построить церковь и об отводе для нее земли.

Измайлов, наученный опытом предшествовавших посольств и предупрежденный самими китайцами, которые просили его вести себя, в объяснениях с богдоханом, не так как Спафари, был принят с почестью и чрезвычайно благосклонно; но не успел спросить дозволения на построение церкви, а потому этот предмет был поручен вновь снаряженному посольству в Китай.

Действительный статский советник граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, назначенный чрезвычайным послом в Китай, отправлен был уже при императрице Екатерине 1-й. Он успел исходатайствовать не только право на построение церкви, но и то, чтобы церковь эта была построена иждивением китайского правительства, а равным образом подтвердил трактатом постоянное пребывание нашей миссии в Пекине; состав ее определен из четырех священников и шести учеников (ст. V тракт.).

Последствием посольства графа Владиславича-Рагузинского был заключенный 20 августа 1727 г. на речке Буре и известный под именем буринского трактат, определяющий с некоторой подробностью наши границы и положивший основание пограничной торговли двух империй.

Говоря о посольствах Измайлова и графа Владиславича-Рагузинского, выпишем здесь слова богдохана Кан-си, сказанные первому из них и отчасти объясняющие дух народа и наши тогдашние отношения к Китаю.

Прощаясь очень дружески с Измайловым, Кан-си сказал ему: «Выслушай и пойми хорошенько мои два слова, и донеси о них своему царю.

Первое, Государь твой могуществен и славен, обладает обширными владениями, а, между тем, ходит против неприятеля своей высокой особой. Море – махина великая; бывают на нем волны сильные и опасные, а потому изволил бы он свое здоровье беречь: есть у него храбрые воины и искусные вожди, пускай их посылает, а сам остается в покое.

Второе, Дружбы нашей ничто не может поколебать. Да и за что нам ссориться? Российское царство и дальнее и холодное: если бы я послал туда свое войско, то оно бы все замерзло. Равным образом, если российский государь отправит армию в Китай; то, по не привычке к жаркому климату, люди могут понапрасну погибнуть. А хотя бы и удалось чем-либо друг от друга поживиться; то какая может быть от того польза при таком множестве земель в обеих государствах».

Миссия, состоявшая под начальством архимандрита Платковского, человека во многих отношениях замечательного, уже застала в Пекине другие европейские духовные миссии, члены которых, по преимуществу иезуиты, играли значительную роль при дворе, имели обширные монастыри и некоторые считались в службе по астрономическому приказу; но наши последующие миссии были также свидетелями их религиозных раздоров, жалоб и, наконец, совершенного изгнания всех миссионеров (кроме, разумеется, русских) из Китая и разорения, продажи или отобрания в казну их имуществ. Первый памятник на русском миссионерском кладбище поставлен иезуитами (над могилой архимандрита Амвросия Юматова); последний памятник на богатом кладбище португальских миссионеров стоит над могилой остававшегося за дряхлостью лет в Пекине португальского епископа и поставлен русскими миссионерами.

Мы не станем здесь распространяться ни о двух посольствах китайцев в Россию, ни о других сношениях наших с китайским правительством, не имевших важных последствий для миссии, пребывающей в Пекине. Заметим только, что когда наши политические отношения к Китаю становились неприязненнее, как было по случаю дел о Чжунгарии и бегстве наших волжских калмыков в Китай, тогда и положение миссии, а равно и кяхтинской торговли, становилось хуже. В настоящее время наша миссия в Пекине пользуется совершенной свободой, отправляет богослужение и наставляет свою албазинскую паству беспрепятственно.

В прежние времена миссия сменялась в неопределенные сроки, и нередко оставалась в Пекине около 20 лет; но потом срок этот был определен постоянно в 10 лет. В последнее время наше правительство, по предварительному сношению с китайским трибуналом внешних сношений, предоставило себе право переменять миссию по усмотрению и своему назначению.

Глава II

Переход из долин в горы; река Иро. – Сношения наши с китайскими и монгольскими приставами. – Отправление части казаков в Россию. – Олоты-Калмыки. – Обо.

От Кяхты до Иро обыкновенно провожает миссию небольшой отряд казаков, кроме тех, которые идут до самого Пекина. Это делается отчасти для почета, в соответствии тому, что от ургинских правителей высылаются отряд монгольцев за станцию, на встречу, который и сопровождает ее на следующую за Ургой станцию, отчасти для облегчения наших казаков на первой поре, потому что лошади, мало приученные к упряжи, прямо с табуна, и тяжело нагруженные одноколки, облегчаемые по мере потребления провизии, сильно затрудняют сначала переходы миссии, и в этом случае лишние люди очень полезны.

Едва оставили мы Кяхтинскую долину, довольно обширную, как показалась полоса гор, видимо, возвышавшаяся по мере отдаления нашего от границы.

Наконец горы отовсюду окружили нас: горы перед нами, горы по сторонам, – где увенчанные сосновым лесом, где только оазис березняку лежал на темени или у подошвы их; всюду зелень; вид разнообразный и веселый; где отроги разошлись и образовали долину, там извивалась змейкой черная речка, поросшая тростником, с ярко-зелеными лугами, представлявшими для наших табунов обильное пастбище и приволье. Особенно красив быстрый поток Хангай, укрывшийся в глубоком овраге и в чаще тальника и берез. – Мух здесь вовсе нет и чрезвычайно мало мошки, изнуряющей бедный скот в Сибири.

По сторонам, у речек, где юрта, где другая; пять юрт – это уже много: вот и все население края, роскошного, привольного. Пашней по дороге нигде нет; как о редкости говорят, что за пятьдесят верст от дороги, в стороне, есть посевы проса и пшеницы; впрочем, следы давнишних посевов мы кое-где встречали; поросшие дикой травой канавки, служившие для орошения полей, еще и теперь заметны.

На Иро мы дневали. Река, после засухи, была не слишком глубока и бурна, а потому мы переправились без больших затруднений, вброд, но не без мелких приключений, которые на таком длинном пути и не берутся в счет. В другое время, через Иро переправляются на плотках, устраиваемых очень просто: два кое-как выдолбленные бревна связываются поперечными жердями, на них, из чего попало, делают настилку, а голые монголы, частью в воде, частью на плоту, с помощью одних шестов, управляют такой флотилией. – Мы расположились лагерем на левом берегу реки Иро, или правильнее, Юро, что по-монгольски значит счастье, благодать, и действительно здешний край благодатен для скота.

На другой день пошли обычные посещения китайских и монгольских властей. Отношения мои к ним обозначались скоро. Китайские власти были немногочисленны и состояли из пристава, тучного, рябого маньчжура и его помощника, бывшего в этом звании еще при миссии 1830 г. и потому довольно знакомого с русскими; монгольские – состояли из множества людей, которые наряжались караульными у табуна в помощь нашим казакам, так же из станционных смотрителей, т. е. смотрителей юрт и лошадей, выставляемых на пути нашем для китайских проводников, иногда издалека, из кундуев, тайцзиев, разных галд и джангинов, – все это под ведомством тусулакчия, украшенного на шапке красным шариком, который обозначал его высокий чин, соответствующий не менее как нашему генеральскому чину. Китайские власти обнаруживали сильное желание поважничать, озадачить, показать достоинство своего звания и значение китайской нации; но остались при одном желании, да и от него впоследствии должны были отказаться, может быть заметив во время, что оно не совсем *прибыльно*. Монголы еще скорее изменили тому характеру, который *должны* были выдерживать перед нами и стали тем, чем были по природе: отношения наши с ними со второго или третьего переезда сделались очень близкими и дружескими; так бывало всегда

при переходе наших миссий через Монголию, так, и даже гораздо в большей степени, было и теперь.

От Иро часть казаков должна была отправиться назад, в Россию; но они еще помогли нам подняться на гору, и очень кстати. Тут мы увидели, сколько труда при подъемах на горы большого, и очень большого размера, как, например, Тумукей с братией; непривычные лошади артачились, скользили, метались в сторону, а по сторонам овраги и невылазный кустарник; сбруя рвалась, одноколлки трещали; казаки чуть не на себе вывозили их. Одни верблюды не изменяли нам и чувству собственного достоинства: медленным и ровным шагом шли они вперед и вперед, без остановки, покачивая длинными шеями и обводя окрестность своими томными глазами. Верблюды обыкновенно приходили на место часами тремя ранее нашего; а еще из верблюдов было много диких, не обученных, которые иногда подымали страшную кутерьму в лагере, носясь вихрем по нему, перескакивая через одноколлки, служившие обыкновенно барьером, опрокидывая многое на пути и пугая табуны лошадей.

Небольшая субурга, поставленная над прахом какого-то монгольского праведника, одинокая на равнине, со шпиром, кажется довольно красивой с горы; далее, позади же нас, на противоположном взгорье, возвышается сумэ, кумирня, пестрое зданьице, обнесенное частоколом. Вообще, тут еще видна жизнь людей и хотя кое-какие признаки оседлости; не то будет дальше.

От Иро до следующего привала, Куйтуна, переход большой – 31 верста; дорога тяжелая: вся холмами и горами; дождь лил с утра и не переставал до полудня; грунт земли, правда, крепок; но лошади, если не грузили, то скользили, особенно на горах, и это чрезвычайно затрудняло наш поезд. Даже верблюды приотстали; на этих бедных тружеников ни что так не действует, как непогода и дождь: ноша их, и особенно войлоки намокают и тяжелеют; сами они, продрогшие, с трудом переступают по скользкой дороге, часто падают и тогда их, несчастных, нелегко поднять.

Мы пришли к привалу не ранее восьмого часа вечера, и те, которым не случилось еще спать под намокшими войлоками юрты были неприятным образом поражены их тяжелым и удушливым испарением.

Следствием большого перехода было то, что на другой день мы поднялись в путь позже обыкновенного: надо было дать скоту несколько поотдохнуть и покормиться.

Что за чудный, неуловимый взором перелив света и теней на небе и земле! В долине дождь ливнем лил; мгла такая, что не отличишь предметов в нескольких шагах; а подымешься на гору, солнце пригреет и высушит. Радужным светом сияло пол-неба, другая половина была одета разноцветными тучами, то окаймленными пурпуром, то черными, беспрерывно меняющимися в фантастических изображениях, среди которых иногда виднелась, сквозь прогалины, яркая лазурь неба; местами дождь лил в полу-горе, а вершина ее в то же время сияла как золотая маковка; там дол озарен светом, а на вершину надвинулись тучи; дождь то нагонит нас, то уйдет вперед или уклонится в сторону; на-часу времени три-четыре раза войдем в полосу дождя и выйдем из нее; а радуги то и дело являлись то в одном конце, то в другом, описывая полные дуги, иногда в два, а иногда в три ряда, с чудным фиолетовым отливом в промежутках, и не всегда скрывались они за горизонт, но часто ниспускались на землю и захватывали часть ее своими концами. В горах вообще переходы от дождя к ведру, от холода к жару быстры; но мне давно не случалось видеть таких резких изменений. К вечеру дождь затих, небо стало стусевываться; на западе показалась золотистая полоса и на ней пол-круга западающего солнца; ярко озаряло оно край неба, едва достигая своим светом высот его, которые бледнели, бледнели и, наконец, скрылись в тумане. На противоположном, очистившемся синеватом горизонте, вставал полный месяц, пересеченный полосой набежавшей тучи:

I live not in myself, but I become
Portion of that around me...
Are not the mountains, waves, and skies, a part
Of me and of my soul as I of them?

(Не сам собой я живу, а делаюсь частью того, что меня окружает... горы, волны, небеса не составляют ли часть меня и души моей, как я составляю часть их)².

Мы довольно поздно пришли на станцию *Урмухту*, расположенную у горы того же имени. Здесь редко название местностей связано с историческими воспоминаниями или с какими-нибудь затейливыми вымыслами; происхождение их просто: в речке желтое, песчаное дно, и речка называется *Шара*, желтой; дно реки не чистое, черное, и речка называется *Хара*, черная, а по речке носит имя и вся окрестность; на горе пал верблюд, и гора – верблюжья. Урмухту вот от чего получало свое название: в одну суровую зиму скот падал сильно, что здесь нередко случается; все сетовали, вопили, глядя на свое крайнее разорение, а никто ничего не делал для отвращения беды, только один старый монгол откочевал к подошве этой горы, в затишье от северных ветров, которые очень суровы весной; у других табуны или вымерли до одной скотины, или бродили истощенные, слабые, а у старого монгола уже появились пенки, *урму*, лакомство монголов; вот в память этого-то события и гора названа Урмухту.

От станции Баин к Хара-голу, на половине дороги, которая здесь так редко отбивается в сторону, и то разве для того, чтобы довести до какого-нибудь перелеска, куда монголы ездят за дровами, вдруг дорога расшибается на трое; две из тропинок обходят крутизну Манхатай, а одна, крайняя к левой стороне, ведет прямо через Сынсу, каменистую и высокую гору; дорога направо к западу слишком далеко отбивается в сторону; по ней ходят купеческие караваны с чаями; мы шли по средней из трех, направляясь на Тумукей.

Не доезжая раздела дороги, на вершине горы Хусуту-дабы (березовая гора) стоит *обо*: тут граница цзасаков Церен-доин и Церен-доржи; а недалеко от Харинской станции, по речке Боро, впадающей в Хару, по южную сторону Мангатай, живут Олоты-калмыки. – Лет 150 тому, какой-то бытыр отличился в деле против Чжунгарии, за что и получил чин бейлы и семей 20 Олотов, которых привел с собой и впоследствии подарил их ургинскому кутухте; теперь их размножилось до 100 семей; они занимаются хлебопашеством и третью часть своих произведений отвозят кутухте. Их-то пашни мы видели по дороге от станции Хары до Хоримту. Эти калмыки и теперь еще носят название пленников.

Обо встречается почти везде на вершинах гор; а потому пора объяснить значение его. *Обо* составляет еще остаток шаманских верований. В старину сами шаманы избирали для сооружения его место, большей частью на вершине горы, во всеувидение, близ дороги, чтобы каждый проезжающий или проходящий мог что-нибудь положить на него, хоть, на пример, конский волос, как жертву духу – обитателю горы; это был их жертвенник, возбуждавший к религиозным языческим приношениям. По введении буддийской веры, ламы не могли искоренить верования в *обо*, вокруг которого обыкновенно происходили сходбища и пиры народа, а потому с ними были связаны его лучшие воспоминания; оставалось только применить *обо* к понятиям новой религии. Ламы составили для сооружения их особые правила и молитвы и изменили жертвоприношения; но народ, мало-помалу, опять обратился к своим прежним обрядам, применив их только к буддизму; сами жертвоприношения животных, так строго запрещаемые ламой Веджридари-мерген Диянчи³, опять вводятся между нынешними монголами.

² Джордж Гордон Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда. Песнь третья. Строфы 72...75. – Прим. ред.

³ Черная вера, Д. Банзарова, Казань, 1846 г.

Обо предназначаются для местопребывания духов и драконов земли и вод, которые покровительствуют месту. Правила, предписанные ламами для сооружения *обо*, правила, которым, впрочем, монголы не очень подчиняются, состоят в том, что избранное место, обводится заколдованным кругом, потом, среди его воздвигают из земли и камней курган, в который зарывают панцырь, лук, оружие, платье, всякие явства, лекарства, писанные на холсте молитвы и проч.; сверх насыпи ставят изображения птицы, зверя, или сажают дерево; вокруг главного кургана делают еще 12 меньших и все 13 изображают мир, по понятиям буддийской веры: средний соответствует горе Сумэру, а прочие – 12 частям мира. Потом происходит освящение; читают особые молитвы и приносят жертвы, состоящие из плодов или молока.

По окончании обрядов, начинается пированье, скачка, борьба и проч., подобно тому, как было во времена шаманства.

Станции за три до г. Урги, видели мы в первый раз яка, которого, кажется, неправильно называют в Европе буйволом. Родина яка в Тибете, откуда он и заведен сюда. Там, как и здесь, живет он в горах; приведенные в долины яки хилеют и не размножаются; несколько раз их пригоняли в Кяхту; но они едва доживали здесь свой век и не давали приплода. В знойное время, яки удаляются в горы или лежат в воде. Ростом они с нашего небольшого быка, седлисты, голова небольшая, шея тонкая и короткая, хвост шелковистый, употребляемый в Китае для кистей на шапке, а у нас, иногда, для султанов; на брюхе также длинная шерсть. Яки не ревут.

Глава III

Переезд через хребет Тумукей. – Хоримту, кочевье Тусулакчи. – Облава у древних и нынешних монголов. – Браки у монголов и влияние лам; встреча с ученым ламой; письменность в Монголии. – Приближение к Урге.

Переезд через крутой, поросший лесом, заваленный валежником и камнем, высокий кряж гор Тумукей прежние миссии обыкновенно совершали в два дня; мы одолели его в день; но зато обоз пришел на привал в 11 часов ночи; втаскивали на гору по одной и по две одноколки за раз, подвязывая к ним по несколько лошадей гусем и помогая руками. На вершине горы, как водится, *обо*, усыпанное и увенчанное различными приношениями от монголов, достигавших благополучно вершины горы. Между множеством тибетских и монгольских молитв, писанных большей частью на бараньих лопатках, мы нашли также русскую надпись, оставленную на камне, вероятно, нашими курьерами, посылаемыми по временам в Ургу.

Окрестность волновалась, как море, в испарениях, которые после дождей обильно стлались на покатах гор.

После трудных переездов через горы, мы дневали на Хоримту. Погода совершенно разгулялась; небо было сине; тучи едва набегали, и мигом, сложившись и разложившись в тысячи форм, исчезали. Днем было около 12° тепла, ночью ртуть в термометре опускалась до 5°.

Провожавший нас тусулакчи, человек лет 28, чистой крови, хорошей кости, как выражаются здесь, т. е. хорошего происхождения и чиновный, был особенно весел, подъезжая к Хоримту; он обгонял обоз, задирал шуткой казаков, рассказывал разные прибаутки мне; его открытая, приятная физиономия дышала счастьем: весело было глядеть на него. По приезде на привал, он явился ко мне, как было при встрече, с полным угощением по монгольскому обычаю: за ним несли два ведра кумысу, ведро кирпичного чая, затурана, вареного с молоком, бараньим жиром и мукой, вино, перегнанное из кумыса, пенки из овечьего молока, поджаренные и очень вкусные, арул, осадок от перегонки кумыса в вино, выжатый и высушенный, острого, кисловатого вкуса. – Что бы это значило, чему обрадовался наш тусулакчи? «Я здесь дома, – сказал он, смеясь, – вы у меня в гостях» и он захохотал громче прежнего. – Действительно, смешно было называть своим домом открытое отовсюду, для всех, место; но это были его кочевья, и он, не шутя, называл их своим домом; он смеялся не над странностью выражения, но от полноты счастья, которым была преисполнена душа его при виде родных мест.

Хоримту – обширная равнина, окруженная горами. По ней извивается речка Боро и ручеек Арганату, в нее впадающий. Там, где горы сжимаются, едва пропуская ручей в другую соседнюю долину, они оканчиваются уступами, несколько обрывистыми, в других же местах переливаются, как волны, из одной гряды в другую, все выше и выше, чем далее от равнины. Возвышенности венчаются *обо*; покати покрыты мелкой, яркой зеленью, на которой повсюду бродили стада овец, а на высотах козы; в падах виднелись лошади и рогатый скот; на равнине разбросано множество юрт и среди них стояла бедная бревенчатая кумирня, обнесенная частоколом, как всякая здешняя кумирня. Приволья много, вода чистая и в достаточном количестве.

Хорим значит пир, Хоримту – пиршественная (долина). Эта равнина получила свое название по случаю тех пиршеств, которые здесь устраиваются во время облавы.

Надобно сказать, что облава у монголов и маньчжуров не столько потеха, сколько обязанность, служба, и довольно тяжелая. У гуннов, точно так же, как впоследствии у монголов, охота составляла особое учреждение, для поддержания воинственного духа и непрерывной

деятельности в войсках; это был род их военных маневров, со всеми трудностями походов по горам и непроходимым дебрям и опасностями битвы с дикими зверями. Чингис-хан, в своих степных законах, называет облаву школой воина. Отличившийся на охоте награждается также, как бы он отличился на войне. Прежде сами императоры Китая выезжали на облаву, к восточным границам Монголии; но нынешний богдохан, наученный опытом предместника своего, который, вернувшись с облавы, застал в Китае восстание и ворота великой стены для себя запертыми, нынешний богдохан, кажется, ни разу не ездил на облаву; тем не менее, однако, почти через каждые три года отправляют эту службу правители Монголии и Маньчжурии.

Толпы монголов, считающихся в военном звании, стекаются на Хоримту в начале осени, и образуют род военного стана; число их простирается до 10,000 человек; вслед за ними приезжают амбани с огромной свитой; иногда предварительно испытывают собравшееся кочевое войско в стрельбе в цель, иногда прямо приступают к облаве.

На восточной стороне равнины возвышается гора, называемая Ноин-ола, господская гора, за ней, несколько севернее, другая и потом, подалее, третья: все они покрыты лесом, преимущественно березовым, осиновым и сосновым, заросли кустарниками жимолости и шиповника. Облаву начинают с Ноин-ола; амбани помещаются в ущелье, что против кумирни; народ, окружающий лес, постепенно сходится к центру, и гонит на них зверя. Ван, монгольский правитель, стреляет первый, за ним уже другие, составляющие его свиту; солдаты сторожат зверя, прорывающегося через линию, и тогда уже позволяется стрелять из ружья, у кого оно есть; обыкновенно употребляют для этого лук и стрелы. — Зверя довольно всякого, потому что кругом заповедных лесов стоят караулы и не пускают никого в лес, даже за дровами, чтобы не положили диких обитателей его. За несколько дней до нашего приезда, один бедняк прокрался на Ноин-олу и убил изюбря, которого рога так дорого ценятся в Китае; как-то проведали о том, допытались, уличили в преступлении, и несчастного отправили в колодки в Ургу, где он поплатится дорого за нарушение закона.

Всего более в лесу медведей и диких коз; есть изюбри, дикие кабаны и даже рыси. Охота на всех трех горах продолжается 45 дней.

Путешествие наше пока шло незаметно, и мы бодро приближались к Урге. Несколько ушибов, полученных при подъемах и спусках с гор, несколько легких лихорадок, на таком пути и при таком многолюдстве каравана, в счет не идут. Природа, даже и по выходу из роскошного Забайкальского края, казалась нам довольно разнообразной. Везде мы находили хорошие пастбища и проточную воду, с которой так скоро и надолго должны были расстаться, а это главное на пути, и монголы очень основательно предлагают первый вопрос путнику: «Какова вода, здоров ли скот?» — Падеж скота, — страшное бедствие для путешественника среди пустынь Монголии; оно часто угрожало нашим прежним миссиям, едва не постигло и нас на обратном пути.

Юрты попадались довольно часто, и мы нередко заходили в них отдохнуть и потолковать с монголами. Жаров мы не испытывали; скорее было холодно; на вершинах Гунту мы даже встретили иней. Сухари еще не приелись, запах аргала не пропитал нашего платья и не закоптил собственной нашей кожи; неудачно приготовляемые обеды казака-повара более смешили, чем сердили нас. Кстати, об этом поваре, о Воробьеве: он сопровождал четвертой миссии в Пекин; а известно, что миссии сменяются через десять лет, — сначала в качестве коновала, потом повара; в прошлую миссию его не хотели было взять за старостью лет; нынче он явился ко мне с предложением своих услуг, уверяя, что в течение десяти лет он вовсе не постарел, а только отдохнул. Во время пути, по его неумоимости, я убедился, что он точно не устарел; но или забыл свое поварское искусство, или вовсе не знал его; по крайней мере он полезнее был своими сведениями по части ветеринарной, чем поварской. Впрочем, и то сказать, что все материалы для стола здесь ограничивались одной бараниной; баранина,

и каждый день баранина, и целых десять недель баранина, как бы приготовлена ни была, а, право, надоеет; у нас же за столом она всегда являлась *au naturel* или вареная или жареная.

Лагерь наш пестрел народом. Монголы скакали взад и вперед около каравана, теснились у юрт тусулакчи и дзангинов или, вместе с ними, переходили к моей юрте; монголки бродили около юрт китайских приставов и нередко были зазываемы в них, – молоденькие особенно.

Многоженство существует в некоторой степени в Монголии, в противность мнению почтенного о. Иакинфа, которого суждения я вполне уважаю и ценю. Закон ли, злоупотребление ли закона, только монголы, под незначительными предложениями берут двух и даже трех побочных жен, не говоря о наложницах. Так как брачные обряды совершаются только при первом браке, то китайцы и называют это одноженством. Впрочем, и это мнимое одноженство введено маньчжурами, только в половине XVII века. Оно имеет значение в применении к гражданским правам: таким образом, сын от законной жены наследует все права отца; только за неимением законных детей дозволяется усыновить рожденного от побочной жены, и то с дозволения высшей власти. К чести монгольского семейного быта надо сказать, что жены живут большей частью в мире, обыкновенно повинуюсь старшей. И что за брак монгола – первый брак! Ему выбирают жену отец и мать; по личным видам, по предсказаниям ли лам, очень часто навязывают ему такую, которая уже перезрела, между тем как муж еще не вышел из юношеского возраста и едва понимает свое собственное состояние, а не то, что сложную систему супружеской жизни; жена поневоле делается ему нянькой, пестуном, нередко злым и к тому же старым и некрасивым. Сознавши свое достоинство мужа, – мужа на востоке, т. е. мужа по преимуществу, он старается выместить ей свое унижение и нередко отправляет ее назад к родителям, несмотря на то, что лишается заплаченного калыма, или даров, сделанных перед свадьбой, как выражаются степные законы, что в сущности одно и то же. К этому, однако, неохотно прибегает монгол, как бы ни был оскорблен женой, потому что, кроме калыма, лишается в ней работницы. Однофамильцам, родственникам с мужской стороны воспрещается вступать в брак; но родство с женской стороны не принимается в расчет: таким образом, два родных брата могут жениться на двух родных сестрах; монгол может взять за себя сначала одну сестру, а по смерти ее, другую и т. д. Странно, что в Монголии сохранился обычай, который существует в Киргизской степи и во многих местах на востоке, а именно, когда поезжане жениха являются за невестой, то подруги уступают ее только с боя, и тут завязывается между ними схватка не на шутку. Вторую жену монгол берет уже по собственному выбору, хотя все еще спрашивает родителей, по наружному уважению к ним, и лам – из страха: лама знает все – и благоприятный день для свадьбы, и сходствуют ли между собой созвездия жениха и невесты. Удивительно, как эти люди, эти ламы, совершенно невежественные, могут держать народ в таком заблуждении и пользоваться влиянием на него. В самой сущности дела, они отличаются от простого народа только тем, что бреют себе головы, да остаются безбрачными, хотя и ведут жизнь не совсем безукоризненную. Образование их ограничивается знанием нескольких буддийских молитв, которых смысла они не понимают, или чтением *юма*, одной из их священных книг, больше на память, чем по печатному; чтение *ганжура* и *данжура* уже составляет высокое образование ламы, а толкование их доступно разве высшему духовенству в Тибете, да еще кое-кому из окружающих ургинского Кутухту-гегена; это, впрочем, и немудрено: *ганжур* состоит из 108 больших томов и составляет всю ученость буддизма.

Дар красноречия и особенно удачное употребление аллегорий, сравнений и афоризмов Будды считается высшей степенью образованности между монголами; людей, обладающих таким талантом они готовы признавать за существа высшей породы; впрочем, таких весьма и весьма мало. Я встретился как-то с ламой довольно бойким, который считался между здешними ламами светильником веры. Желая сразу изумить своей ученостью, он, после обычных

приветствий, обратился ко мне с такой речью. «Душа человеческая, подобно ушам слона, в вечном движении, произнес мудрый Будда. Дай же покой хоть телу, не изнуряй его, отдохни между нами, дай время душе скрыться в свою оболочку, подобно черепахе, скрывающейся при виде опасности под защиту своей крепкой коры, и успокоиться внутренним созерцанием.» – Бывшие тут монголы самодовольно глядели, желая прочесть на лицах наших, какой эффект произведут эти звучные и, вероятно, заранее приготовленные слова. – «Душа моя здесь между друзьями, между мудрыми, – отвечал я, – намерения ее чисты, ей нечего скрываться, она вся наружи; согретая солнцем дружбы и мудрых суждений ваших, она и отдыхает и созерцает». И мой ученый лама, сбитый с толку громкой фразой, не нашелся что отвечать, к крайнему соблазну окружавших его лам, и едва пробормотал несколько несвязных слов для того, чтобы, по обычаю Востока, сказать свое слово последнему.

Хласса, в Тибете, для монголов тоже, что Мека для магомметан. В Хлассе ламы получают высшее образование. В Монголии, разумеется, нет школ. Светские люди учатся у частных учителей, а дети служащих в Пекине – в тамошних школах, из которых, некоторые, учреждены собственно для монголов.

Письмо в Монголии существует с 920 года (до того употребляли, вероятно, китайское письмо); оно известно под названием киданьского, и, судя по ничтожным остаткам его, дошедшим до наших времен, было идеографическое, в подражание китайскому. Родоначальник династии Гань⁴ изобрел собственное письмо, хотя, по словам китайских историков, заимствованное из киданьского и китайского, однако не представлявшее идеографического смысла, а выражавшее только звуки и слоги для составления слов. Чингис-хан, при сношениях своих с разными народами тюркского племени, употреблял ойхорское письмо, которое усовершенствовано или изменено в нынешнем монгольском письме; оно изобретено, вероятно, в XII веке, во время владычества Ойхоров в Восточном Туркестане, и потому напоминает собой форму букв арабских; что же касается до того, что оно пишется сверху вниз, то это, без сомнения, заимствовано с китайского.

Упомянем в заключение о письме, изобретенном знаменитым Пагсбой. Оно составлено по велению Хубилая, внука Чингис-хана, воспитанного в Китае под руководством тибетских лам, и сильно отзывалось влиянием санскритской и тибетской письменности.⁵

На третьей станции от Хоримту, на вершине Гунту, было очень холодно: иней покрывал все темя горы. Казаки отчасти недомогали; но Урга, где мы намеревались пробыть несколько дней, была недалеко, и мы не без основания надеялись, что отдых возобновит и поправит их силы, что, действительно и случилось.

На последнем переезде от Гунту к Урге встретила нас, высланная от Вана Монголии, почетная стража; она сопровождала нас до Урги, куда мы приехали около полудня 2-го августа.

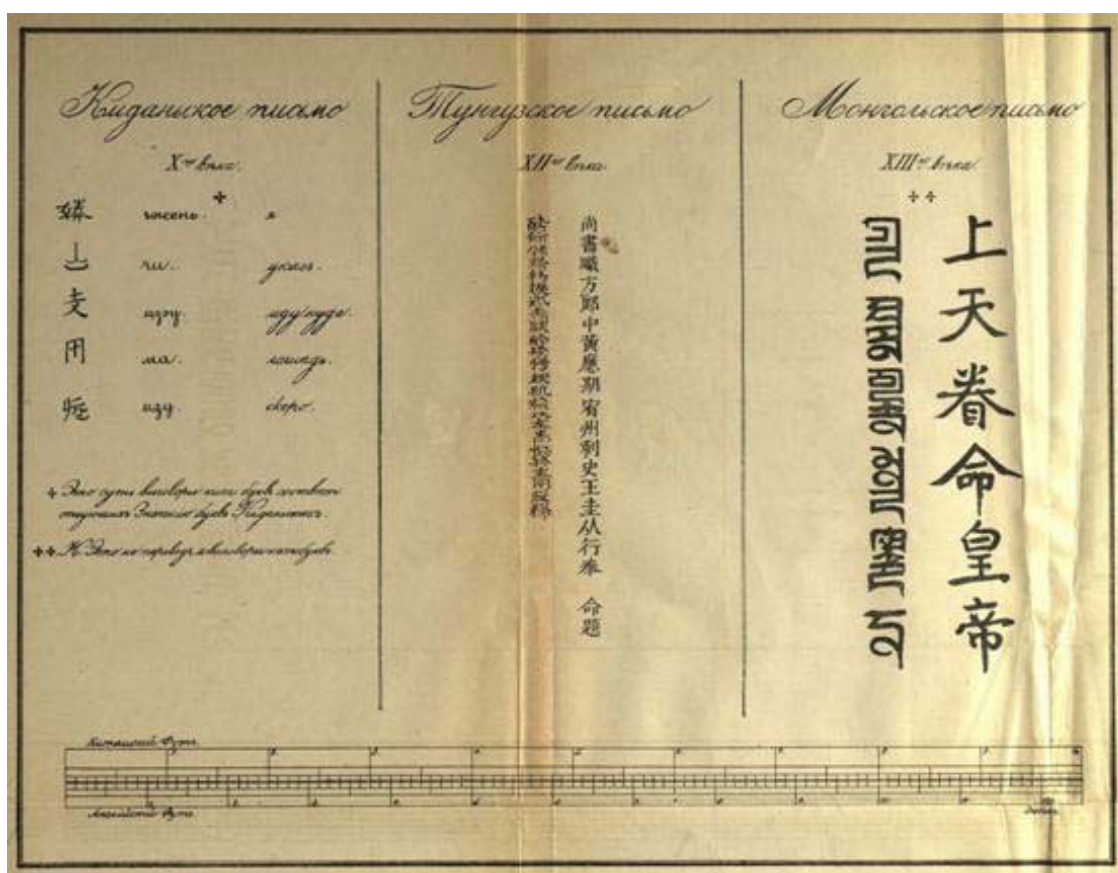
⁴ У Бичурина Н. Я. – Династия Гинь (см. Бичурин Н. Я. «Статистическое описание Китайской империи в 2-частях. Издание Пекинской духовной миссии. Пекин, 1910 г.). – Прим. ред.

⁵ Образцы письма, приведенные Никитой Яковлевичем Бичуриным в «Статистическом описании Китайской империи в 2-х частях». (Второе издание вышло в Пекине в 1910 г.). – Прим. ред.

Глава IV

Ургинская долина. – Подворье для иностранцев. – Посещение чиновников и переговоры с ними; прием, сделанный нам Амбанями. – Урга и ее капища; Шанцаба и Кутухта-геген. – Куренский Май-ма-чен.

Долина, на которой расположена Урга, с ее кумирнями, с ее загородными домами, кое-где окруженными яркой зеленью; долина, рассекаемая на несколько отдельных оазисов извилинами рек Толы и Сельбы, окруженная горами, над которыми господствует Хан-ола, Ханская гора, увенчанная лесом и изрытая темными буераками, где гнездятся дикие звери, потому что никто не смеет нарушить покоя заповедной горы, – Ургинская долина одна из прекраснейших, какие мне случалось видеть, и напоминает собой роскошные долины Ломбардии.

Так называемое подворье для приезжающих по казенной надобности, большей частью иностранцев, т. е. изредка посылаемых от наших иркутских губернаторов курьеров к ургинским правителям и посланцев из Тибета, с которым сношения бывают особенно деятельны каждый раз после смерти кутухты, по случаю отыскания нового, – это подворье, подобно всем жилищам богатых китайцев, состоит из нескольких дворов. В каждый из них ведут ворота, против ворот другие, парадные, всегда запертые, кроме как при въезде высшего посетителя или хозяина; они составляют род щита, прикрывающего главный вход; по бокам, в узком коридоре, между воротами и щитом, два входа, – левый для гостей, правый для слуг; против ворот, главный дом, по краям два флигеля, – все в симметрическом порядке.

Та же таинственность при входе в дом, как и при входе во двор: думаете, что идете в парадную комнату, а тут, под носом, стена; надо своротить вправо или влево, и вот вступа-

ете в другой тесный коридор, из которого можете попасть в кладовую, а можете и в парадную приемную. Но не бойтесь запутаться в этом мелочном лабиринте китайских комнаток; если вы человек значительный, то хозяин, или, по крайней мере, кто-нибудь из близких ему, встретит вас еще у второго двора и уже во всяком случае толпа слуг, которая сторожит вас у въезда, покажет и очистит вам дорогу от преследования любопытных; визиты неожиданные не бывают. Здесь, невольно, вспомнишь тот же лабиринт дворигов и комнаток в арабских жилищах. – В комнате, направо, *кан*, род дивана в нише, иногда украшенном драпировкой; напротив – еще широкий диван, во всю стену, подобно как в домах на Востоке; это нечто вроде наших нар, с тюфяками и подушками, застланными красным сукном или, просто, тиком; посередине *кана* маленький столик, у которого очень удобно пить чай, особенно если сидишь поджавши ноги. Вся передняя стена состоит из узорчатого решетки, довольно красивого, оклеенного тонкой бумагой: это окно. Воображаю, как хлещет в него дождем и снегом; правда, передняя стена прикрыта широкой галереей; но это плохая защита во время бури. Зато вид снаружи, вечером, когда все комнаты освещены, очень хорош; в богатых домах в самой галерее привешивается множество разноцветных фонарей.

В это жилище, парадными воротами, стоявшими настежь для нашего приема, ввели нас различные тусулакчи, закирокшии и бошки; они были при нас дорогой, очутились и здесь с прибавкой других, – кто в качестве пристава подворья и для нашего приема, кто для исполнения наших приказаний, и все вместе ровно ничего не делавшие, несмотря на то, что разноцветные, красные, белые и синие шарики, украшавшие их шапки, то и дело мелькали и блистали на солнце, а сами они то входили, то выходили из комнат с различными посулами и комплиментами. Но это только присказка, а сказка впереди.

Явилась толпа нерб, слуг, предшествоваемых двумя галдами, китайскими чиновниками: слуги несли на двух столах бесконечное множество (кажется 95) тарелочек с конфетами и различными китайскими сладостями; чиновники приветствовали речью, слаще самих сладостей, от имени амбаней, правителей, и собственного своего.

На первый раз тем и обошлось; наговорили друг другу много любезностей и разошлись, хотя у каждого было на душе другое: у них – выпросить, когда и как мы посетим амбаней? у нас – как и на каких условиях они нас примут? На другой день явились два других чиновника, и так как скорый визит амбаням с нашей стороны выразил бы степень уважения этим важным лицам, то посланцы их, как бы между разговорами, в дружеском совете от самих себя, высказались, наконец, о цели своего посещения, которая и составила постоянный предмет прений во время четырехдневного нашего пребывания в Урге. С этими мы не сошлись, и на третий день явились еще и еще галды, – всегда попарно, монгольский и маньчжурский, первый, как местная власть, второй, как соглядатай здешнего правительства, назначаемый из Пекина, и всякая чета утверждала, что предшествовавшая ей ничего не знает, ничего не смыслит, что, правда, и она не может положительно знать мнения амбаней; но все-таки, как ближайшая к ним, полагает, что эти правители Монголии гораздо умереннее в требованиях, и вслед за тем делала еще некоторые уступки, уверяя, что амбани, как люди умные, непременно согласятся на них. Наконец, после долгих и жарких споров, согласились в главных статьях приема. В Пекине, где вежливость доведена до утонченности, до самых мелочных и часто тяжелых церемоний, знание которых составляет предмет гордости и славу образованного китайца, – хозяин, как бы ни был высок саном, решившись принять к себе в дом посетителя, отдает ему первое место и всякий почет, хотя гость, знающий также приличия, сумеет отказаться от них; но мы были в Монголии...

Около полудня отправились мы, в сопровождении казаков и монголов, в приемную залу *ямая*, присутственного места, где уже ожидали нас амбани. Толпа чиновников окружала их, сидящих против дверей, на диване; они подали руки, как было условлено прежде, мне и начальнику миссии, и просили нас садиться на стульях, поставленных напротив них

не в дальнем расстоянии, так что между нами и ими могли только поместиться одни драго-маны. Разговор шел обычным порядком о том, благополучно ли в нашем табуне, довольны ли мы сопровождающими нас чиновниками, хороши ли всходы хлебов в России, словом, о всем том, о чем ведется между людьми порядочными; мы наперед знали его, и потому он нисколько не занимал ни нас, ни амбаней. Гораздо любопытнее были для них – наши наряды и вооружения казаков, для нас – вся окружающая, пестрая и еще новая картина предметов и лиц. Главный монгольский правитель человек не старый, с лицом умным и приятным; речь его плавная, медленная; манеры вкрадчивые; словом, во всем виден человек, не только вполне знающего приличия, но и часто обращавшийся при дворе; красный, резной шарик на шапке свидетельствовал о его высоком сане; над ним висела похвальная доска, род диплома, писанная от лица богдохана, – милость очень редкая в Китае. Лицо сопровителя его, маньчжура, тучное, не приветливое, очень не понравилось нам; мы, впрочем, были предупреждены против него, монголами, которые сказали, что он был понижен степенью в Пекине за взятки, и в самой Монголии не пользовался хорошей репутацией, между тем как монгольский правитель известен был своей честностью, понимая это слово, не слишком в обширном смысле. – Подали чай. В этом, по-видимому, мелком обстоятельстве, множество оттенков вежливости; если угощают только гостя, значит хозяин жалуется его чашкой чая из милости, а не распивает его с ним, в сообществе, и в таком случае порядочный человек откажется от этой чести. Отпивши чай, мы разменялись подарками, как равные с равными, из рук в руки. Монгольскому амбаню особенно понравилась массивная стеклянная накладная с цветами внутри; он сознался, что еще не видал подобной вещи; я отвечал ему, что это новое изобретение, и потому я нарочно взял эту вещь для него, зная, что он следит за всеми новостями и изобретениями в свете. Оба мы разумели под словом света Китай и Россию по преимуществу. Мы вышли из приемной комнаты и уехали домой в том же порядке, как и приехали.

Урга – собственно название урочища, орошаемого речками Иге-сельбы и Багасельбы, впадающими в Толу: по-монгольски *урга* значит приплод; равнина, вероятно, названа так потому, что привольна для пастбища табунов, которые скоро размножаются здесь. Город называется, собственно, Курень, и монголы и китайцы употребляют чаще это последнее слово. Урга есть палладиум Монголии. В нем пребывает глава их веры, кутухта-геген, в нем их капища, в которых, по свидетельству сопутствовавших нас монголов, до 10,000 лам.

Урга, как называем мы, или, правильнее, Курень, расположен на пригорье и представляет довольно оригинальный вид: позолоченные маковки и шпицы кумирень, ярко зеленые крыши зданий, зубчатые решетки и пестрота юрт, в которых помещаются ламы и многие капища, наконец, несколько деревянных не богатых зданий, огромная школа, где обучается тибетскому чтению и духовной музыке до 1,000 человек, общая трапезная и проч., – все это довольно красиво издали, но грязно внутри. Дома вана и амбана стоят особняком и также довольно невзрачны. Делами духовенства управляет собственно шанцаба; сам кутухта ни во что не входит. Не знаю, почему, но он то и дело здесь перерождается, т. е. умирает, и тут начинается нескончаемая история отыскания души его, переселившейся, будто бы, в другое тело; сношения с Пекином, Ургой и Хлассой становятся самые деятельные; апатия монгольских князей быстро исчезает и уступает место искательству и интриге: наконец, тибетский Далай-лама указывает избранное монгольское семейство, и мальчик, родившийся в тот день, когда помер прежний кутухта, назначается его преемником и продолжает его жизнь. Новый кутухта всегда сказывается народу каким-нибудь необыкновенным образом; один из них, вошедши в первый раз в кумирню, отыскал в нем ламу, любимца прежнего кутухты, то есть своего любимца, хотя ни разу его не видал после перерождения; другому, во время служения, подали колокольчики, употребляемые для подания разных знаков, и он сейчас заметил, что не было одного колокольчика, который всего чаще употреблял его предшественник. Кутухты

пользуются чрезвычайным уважением монголов и весьма значительными доходами; сами китайцы оказывают им наружные знаки почтения.

Мне часто случалось заходить в кумирни во время служения лам; доступ свободен для всех, не то что в магомметанские мечети. В кумирне, против главного входа, который обыкновенно бывает обращен к югу, стоят истуканы, большей частью деревянные, иногда позолоченные; посреди их изображение самого Шагямуни. Главный лама сидит в устроенной у дверей ложе, лицом к кумирам; он отличается от других богатой губерей, род шали, которую во время служения то свивает, то надевает как плащ. Служащие ламы стоят близ ложи, в мантиях, с курильницами в руках, и читают нараспев свои священные книги; другие сидят полукружием на полу и повторяют гимны, которые начинает главный лама, беспрестанно позванивая серебряным колокольчиком. Иногда служение лам сопровождается духовой музыкой, инструменты которой здесь заменяют морские раковины. Оно совершается на тибетском языке. Только одна кумирня в Китае имеет право совершать служение на языке монгольском.

Близ Урги, верстах в трех от нее, находится куренский Май-ма-чен, т. е. китайская торговая слобода. Он больше кяхтинского Май-ма-чена, но грязнее и беднее его. Жители, также как и в нашем Май-ма-чене – Шан-сийцы, числом до 4,000. Они снабжают монголов всеми предметами роскоши; кроме того, один из главных промыслов их, – доставка леса в Пекин и Хухутон. По просьбе зургучей, некоторые из наших пили у него чай, а оттуда отправились в лавки, но ничего не могли купить, потому что здешнюю ходячую монету, подобно как у нас на линии и между монголами, составляет кирпичный чай, – монета слишком громоздкая, чтобы носить ее с собой.

Глава V

Выезд из Урги. – Кочевья Тушету-хана. – Пространство и население Монголии; беглый очерк ее политического состояния и истории.

Мы выехали из Урги 7 августа. От самого нашего подворья почва изменяется: начинаются мергели и филлад; но страна все еще представляет вид гористый.

Не доезжая Толы, мы увидели справа, на южной стороне Хан-олы, сборище монголов: это место сейма Тушету-ханова аймака. Тушету-хан, один из четырех владельцев Халхи. Халха простирается от самой русской границы до Урги и гораздо далее, на пути нашем; кочевья Тушету-хана занимают оба берега р. Толы и простираются – на восток до Гентея, на запад до Онгин-гола и на юг до Сунитов. – Но я убеждаюсь более и более в необходимости окинуть хотя беглым взглядом политическое и историческое положение страны, в которую давно уже ввел читателя и по которой долго еще буду водить его; иначе многие частности останутся непонятными и вообще разъединенными от целого.

Монголия занимает огромное пространство, которое могло бы поглотить все европейские государства, за исключением России, – пространство от Маньчжурии до Тибета, Туркестана и Киргизской степи на запад, от границ России до Великой Китайской стены на юг, или от 8 до 40° долготы по пекинскому меридиану и от 35 до 53° северной широты. – Со времени ее зависимости от Китайской Империи, т. е. с начала прошедшего столетия, она разделена в политическом отношении на пять частей: Внутреннюю Монголию, Халху, Чжунгарию, Хухенор и Заордос. Кроме земель, совершенно присоединенных к Китаю, все прочие во внутреннем своем распорядке следуют особым законам, пополненным и пересмотренным из прежних, китайским правительством, и приспособленных к настоящему политическому положению страны. Законы эти, изданные на монгольском, маньчжурском и китайском языках, под названием *Уложения трибунала внешних сношений*, переведены на русский язык г. Липовцовым и напечатаны в 1828 году.

Монголы, как военное сословие Китайской империи, разделены на знамена, сообразно разделению маньчжурского народа; большие аймаки содержат в себе по несколько знамен; знамена соединены в отдельные управления, называемые по-маньчжурски чулган, т. е. сейм.

В Восточной или Внутренней Монголии 24 аймака, а в них 49 знамен, в которых считается служилых людей 193,950.

В Халхе четыре аймака, которые сохранили прежнее название ханств; в них 86 знамен, а служилых людей 24,450.

В Хухеноре пять аймаков; знамен 29; служилых людей 15,075.

В Заордоских и Чжунгарских знаменах считается 21,150 и в пограничных (от Бухтармы до Тунки, в Кобдо и др. местах) 45,300 служилых людей, итого 287,025 человек. Всего же народонаселения Монголии, по исчислению о. Иакинфа, около 3.000,000 по показаниям самих монголов – несколько более.

Управление знаменем возложено на чжасак – князя, а главное, заведование несколькими знаменами – на главу сейма. Недовольные и притесняемые чжасаками и главой сейма могут приносить свои жалобы в «Палату внешних сношений», которая доводит дела монголов до сведения богдохана.

Важные дела решает глава сейма вместе и с согласия всех чжасаков; а через каждые два года чжасаки со всеми войсками собираются на сеймовый сбор, куда приезжает из Пекина особая комиссия, которая, вместе с главой сейма, поверяет народные переписи и занимается рассматриванием спорных дел.

Монголы не платят никаких податей Китаю. Китайцы все еще побаиваются людей, которые столько веков грабили и разоряли их и так долго властвовали над ними; но каждый

монгол вносит в пользу своих владельцев часть своего достояния, почти в том же размере, как это было во времена Чингис-хана, и именно: у кого пять голов рогатого скота или 20 баранов, тот дает одного барана, с 40 баранов – двух и т. д. Кроме того, в Монголии существует сбор с народа на случай съезда сейма, женитьбы сына владельца и другие поборы, весьма, впрочем, незначительные.

Владельцы аймаков, князья и родственники богдохана обязаны являться в известные сроки ко двору с поздравлениями в новый год; для этого между ними устроена очередь. Поездки к богдоханскому двору для них не очень приятны: во-первых, в Пекин нельзя явиться с пустыми руками; а во-вторых, жизнь в душной столице и придворный этикет чрезвычайно тяжки для жителей степи. Недешево обходятся эти посещения и для китайского правительства: в Пекине монгол получает содержание серебром и рисом не только для себя, но и на всю прислугу, смотря по званию и должности каждого, кроме того, на путевые расходы, подарки и проч. Правда, из всего этого очень немного попадает в руки монгола, но большая часть остается у чиновников палаты внешних сношений и дворцового управления; от этого, однако, не легче китайскому правительству.

Страна, известная на туземном языке под именем *Монгол*, по-китайски и маньчжурски *Мынь-гу*, на тюркских наречиях *Калмак*, – в прежние времена носила название домов, или династий, которые властвовали в ней, как это ведется и поныне в Китае и, вероятно, китайцами же сообщено Монголии. Частая перемена властвовавших в ней домов чрезвычайно запутала события этой страны, которые нередко приписывали другой земле, другому народу.

История Монголии тесно соединена с историей Китая, и китайцы первые сообщают о ней сведения, разумеется, на столько, сколько они находятся в связи с событиями в их отечестве.

Первые предания о монголах относятся к тому времени, когда Хуан-ди, основатель Китайской Империи, желая обезопасить свои северные пределы, разбил и прогнал от них дикие племена Хань-юй, в которых нельзя не признать нынешних монголов. Событие это случилось за двадцать семь веков до Р. Х. Под 1797 г. до Р. Х. монголы уже занесены в историю Китая, а в 1764 г. до Р. Х. они, вероятно, пользовались известностью и влиянием, потому что сын умершего в изгнании последнего из династии Ся императора Китая, Шунь-вей, с частью своего народа ушел в Монголию, отдавшись под ее покровительство.

С 1140 г. до Р. Х. монголы упоминаются беспрестанно в истории Китая, с которым ведут постоянную и опустошительную войну в течение нескольких веков, являясь то побежденными, то победителями, чаще проникая вглубь Китая, чем допуская китайцев в свои пустынные степи. В IV веке китайцам удалось, наконец, прогнать монголов из Чахара и Ордоса, и они оградилась от них земляным валом, который лежал несколько севернее нынешней великой стены; но вал не удержал монголов и, два века спустя, китайцы заменили его настоящей стеной. Дом Хунну, владевший в то время Монголией, прогнанный вторично из Ордоса, удалился в Халху. Обыкновенно, когда в Монголии не было междоусобицы, то властитель ее, от нечего делать, занимался набегами на Китай; таким образом, спустя десять лет по окончании *великой стены*, стоившей столько издержек и еще более пота и крови людей, Модо, глава дома Хунну, объявивший себя ханом и принявший титул Тенгригубун, сына неба, отнял обратно у китайцев Ордос и Чахар, перешел через великую стену, уничтожил высланные против него войска и наложил дань на Серединное Государство. Китайский двор, заботившийся и в то время о наружности, о способе выражения, о форме, более, чем о сущности дела, думал только о том, чтобы постыдное слово дань заменить другим, не так унижительным для его тщеславия и, действительно, ловко придумал: он стал выдавать дочерей богдохана за монгольских ханов и посылал дань под предлогом подарков для принцесс, назвав ее *хо-цинъ*, т. е. дружба, родство; одним словом, он платил дань и деньгами, и женщинами, потому что, конечно, не на радость отправлялась изнеженная принцесса китайского

двора в войлочную юрту дикого монгола; тем не менее, однако, такой порядок вещей, с некоторым изменением, существует и теперь.

Ссоры монгольских князей, раздуваемые и поддерживаемые китайской политикой, были причиной тому, что китайцы, после продолжительной и кровопролитной войны, сокрушили, наконец, дом Хунну (в 93 году по Р.Х.). В эту войну они заходили к отраслям Алтайского хребта, в пределы нынешнего нашего Змеиногорского горного округа. Но, по падении дома Хунну, явились другие удельные владетели, провозгласившие себя ханами, которые, осилив один другого, начинали свои опустошительные набеги на Китай. Северные соседи монголов, по бедности своей, не возбуждали их алчности к наживе и потому менее страдали от них.

Описание этих набегов, грабежей, кровопролитий не входит в состав моей книги; не знаю, может ли оно быть любопытно и на своем месте. Скажу только, что в начале IV века монгольская династия южных Хуннов, овладев Китаем, заняла его престол под именем династии *Ян* и потом *Чжао*. Несколько раз монголы были изгоняемы, и опять воцарялись в Китае. В VIII веке нашей эры они чрезвычайно усилились: дулгаские ханы владели, – восточные Китаем, а западные почти всей Средней Азией. Они, первоначально, кочевали у подошвы Алтайских гор и занимались добычей железа и, может быть, других металлов, составляя побочную линию дома Хуннов. Перейдем молчанием период владычества сильного некогда поколения Ойхоров, которые, подобно родственным им калмыкам, распространившимся по нынешним губерниям Томской и Енисейской, произошли от дома Ган-гюй; упомянем только мимоходом о славном в китайской истории доме Кидань и обратимся к дому монгол.

Еще в начале IX века, одно из 16 тунгусских поколений, кочевавших по Амуру от Аргуни до Сунгари-улы, вследствие междоусобий, отошло к Ордосу, где и приняло название Татань. Татань – слово маньчжурское, и означает *привал, постоянный двор*. Вскоре, потом это поколение взяло верх над поколениями монгол, Хере, Тайчут и татар; род Гинь властвовал над ними; но в самом начале XIII столетия Темуцзин, глава поколения монгол, низверг его и, после многих междоусобных стычек, провозгласил себя ханом, под именем Чингис-хана. Тут победы его следуют быстро одна за другой. Он покорил всю Монголию, Северный Китай, Маньчжурию, Тангунт, Среднюю Азию и двинулся в Европу. Истрия его подвигов известна, и потому я не стану распространяться о ней, но о частной его жизни я еще буду иметь случай говорить. Преемник его овладел бывшей столицей Северного Китая, Гайфынфу, а Хобилей окончил завоевание остальной части Китая и положил начало династии своей, известной под именем Юань. Ханы кипчакский, чигатайский (Башибели) и другие не признали над собой его власти; но в Китае династия его царствовала до половины XIV века. В 1637 г. китайцы восстали против монголов, и после кровопролитной войны, продолжавшейся около 30 лет, выгнали их из Китая и возвели на престол свою династию. Потомки Чингис-хана еще несколько времени сохраняли власть в Монголии, но потом были низвергнуты родом Татань. Тут начинается целый ряд кровопролитных битв и поражений для монголов. Китайцы с севера и маньчжуры с востока, пользуясь междоусобиями Монголии, распространяли в ней далее и далее свои завоевания. В 1632 году маньчжуры овладели Чахарами, в 1638 г. Халхой, в 1642 Хухенором и Тибетом. Одни ойроты еще долго держались, защищая независимость свою против соединенных сил Китая и Маньчжурии, а, наконец, в 1762 г., и они пали, или, правильнее сказать, были совершенно истреблены. С этого времени вся Монголия перешла под власть Маньчжурской династии, царствующей в Китае.

Глава VI

Последняя река на пути в Монголии. – Природа скудеет. – Начало Гоби. – Песни и пляски монголов. – Предания о Чингисхане. – Переговоры относительно перемены дороги. – Что такое Гоби и Шамо? – Китайский караван, перешедший Гоби. – Сухари.

Верстах в восьми от Урги, мы переехали Толу вброд; она тут довольно глубока, так, что мы черпали воду дном повозок. Это последняя река на пути до самой *великой стены*! Горы мало-помалу понижаются, являясь в отдельных группах, довольно округленных и покатых; но растительность еще все та же. На первом привале от Урги уже дурная вода, колодезная. Надо было доставать походные корыта; непривычный скот с трудом приближался к ним и почти вовсе не пил тухлой воды. На второй станции переехали мы хребет гор, довольно высокий, последний на пути к *Гоби*!..От него мы поднимались едва заметно, но с каждым переездом выше и выше. На привале, вместо дров, явился аргал (кизяк). Тут, к общей радости, нашли мы ключ с прекрасной водой.

Горы, казавшиеся впереди довольно возвышенными, понижались, по мере нашего приближения к ним. Мы все восходили, неприметно, по прекрасной дороге, покрытой щебнем, словно шоссе, до их уровня. Горизонт расширяется все более и более; вместо гор и утесов, являются холмы, покрытые яркой зеленью; трава еще густа и сочна, хотя не высока. Мы очутились довольно высоко от поверхности моря: это заметно по сухости воздуха (см. психрометрические наблюдения). В числе первых забот, даже первой заботой, по приезде на станцию, является отыскание воды. Как это напоминает прежние путешествия! И тут (на 3 станции) монголы поставили нас у грязной лужи, на которую смотреть было гадко; но нам опять удалось найти ключ чудной, студеной воды; спутники мои принялись за работу, расчистили и выложили его камнем. В воде, пока, не чувствуется большого недостатка: достает и нам и скоту при маленькой бережливости и осторожности; главное, не надобно пускать лошадей близко к источнику, чтобы они не затоптали его и не разрушили работ. Монголы, как сами говорят, потому не заботятся о приискании воды и расчистке родников, что боятся оскорбить духов, обитающих в них; а я думаю, просто, по лености, свойственной кочевому народу. Что ему трудиться, раскапывать, да укладывать камнем колодцы и ключи: сегодня монгол здесь, а завтра в другом месте; Бог даст день, даст землю для кочевки, а с ней пищу и воду для себя и скота. Велика Монголия, велик и хошун каждого племени!

Тут нигде нет и признаков оседлости. На станции Гилтегентай почва разворачивается, как вздутая кое-где ветром пелена. Только еще на юго-восточном горизонте виднелись невысокие горы, но погодите, доедем до этих гор, и не увидим их: стают, исчезнут, потому что мы все еще будем неприметно подыматься и подыдемся, до их уровня.

Растительность тоже скудеет: это уже начало Гоби; вода в колодцах горьковатая, соленая, стоячая; почва покрыта мелким гравием, как речные отмели; трава жидка, тоща; попадает ковыль и кустоватая акация, напоминающая мимозу в лучших местах пустыни Нубии.

11-го числа был первый день довольно душный, хотя солнце редко показывалось из-за облаков; к вечеру тучи разразились дождем.

Я обыкновенно ехал верхом, в сопровождении переводчика, тусулакчи, зангина и других почетных монголов. Однажды, как-то разговор иссяк, и я попросил монгола спеть. Монгол запел:

«На берегах Керелуна, летом, гулял буланный конь; хозяин заметил его горячий норов и крепкую статью и пустил в бег на далекое расстояние. При беге у коня показывалась во рту кровавая пена, – так сильно бежал он, а когда узнавал на бегу своего хозяина, то становился еще прытче, – летел буланный конь! Хотя Тэньют река глубокая и покрывала водой всего верблюда; однако буланный конь пробежал через реку только по колена в воде. Его ноги не сколь-

зили по горам и скалам, и он догонял рысей и соболей. Происходил буланый из табуна Баин-ноина и был предметом удивления всех телохранителей Вайдан-вана. На празднике семи хошунов, буланый семь раз был пущен в бег, и каждый раз опережал других коней: еще он был молод; когда же достиг совершенного возраста, был отправлен в Пекин к самому богдохану. Тут коню были и холя, и пища, и пойло, только нежься конь буланый, да раскошничай, а конь не ест, не пьет, да все думает, как бы в степь, да на волю».

Напев унылый, тихий, монотонный, но приятный, отзывающийся в душе чем-то знакомым, чем-то близким сердцу.

Пляски собственно нет у монголов; у чахар и даже у наших бурят есть какие-то штуки и кривлянья; но, не знаю, можно ли их признать за танцы? Вот что это такое: когда большое веселье, во время свадьбы, на пример, то двое из гостей выходят на сцену, и под напев других, стоя на месте, ударяют ногами в такт, но не так, как это делает весь пляшущий люд, — иначе я, не обинуясь, назвал бы это танцами, — нет, вся штука состоит в том, чтобы принозить удар правой ноги одного в левую ногу другого, и непременно пяткой в пятку. Можете себе вообразить, что из этого выходит! Как бы искусны ни были фокусники этого рода, но все же усилия их ясно выражаются во всех движениях, пот градом катится с лиц; это не пляска, не потеха, а, просто, пытка; словно двое беснующихся бичуют друг друга.

Провожатый мой все еще мурлыкал себе под нос песенку, но уже на другой лад, про другого коня, кажется, вороного. Я сначала слушал, слушал, песня эта перенесла меня куда-то далеко, к другому, лучшему для меня времени; я призадумался; потом, пригретый полуденным солнцем, слегка вздремнул; конь мой, вероятно, последовавший моему примеру, также забыл о дороге, и вдруг споткнулся; я едва не полетел через голову его. Здесь надо быть как можно осторожнее и крепко держать поводья: все поле, вся дорога изрыта норами сурков и полевых мышей, и как ни привычны степные лошади, но то и дело попадают ногой в нору. Дорогой, от нечего делать, мы часто наблюдали нравы полевых мышей, у которых, по-видимому, общественная жизнь очень развита; подземные их норы искрещены разными переходами, на поверхности протоптаны всюду от норы к норе дорожки, и часто видели мы пять-шесть зверьков вместе стоящих на задних лапках у одной какой-нибудь норы и, при появлении нашем, разбегавшихся по своим жилищам. Говорят, будто они любят корни ревеня, которого в здешних краях много.

Станция Мукотту (грязный, топкий) получила название свое, вероятно, от небольших озер с солоноватой водой, грязных, с такими топкими берегами, что трудно было подогнать к ним скот, если бы даже он и стал пить эту воду.

На переезде от Мукотту к Бумбату, мы встретили огромное стадо диких коз, которые, выскочив из-за холма, вдруг наткнулись на обоз; испуганные, они кинулись в сторону, и попали на табун наших лошадей и верблюдов, и, в свою очередь, испугали его; лошади шарахнулись; казакам и монголам нелегко было собрать их. На беду, ни у кого из нас не было наготове ружей, а пока мы доставали их, дикие козы уже умчались далеко.

На северо-востоке тянулась гряда возвышенностей Еркету и слилась с горами Тоно, довольно скалистыми, оставшимися от нас слева. Гора Дархан третий день была перед нашими глазами. С Бумбату она виднелась уже яснее, ярко освещаемая восходящим солнцем.

Мы ехали молча, занятые каждый своей заботой или беспечно покачиваясь на лошади.

— Что за чудо это гора Дархан: едем не доедем до нее! — сказал я своим неразлучным спутникам кундую и тусулакчи.

— Такие ли чудеса бывают на ней самой! — отвечал с важным видом кундуй.

— А что такое? — спросил я, обрадованный чуду там, где кроме голой степи, да возвышающегося среди нее Дархана, ничего не видно; где ни о чем другом не слышишь, кроме как о благополучии скота.

– А Чингисова кузница!

«Старая песня», – подумал я. Всякая миссия слышит сказку про наковальню, которую, будто бы, оставили Чингисовы кузнецы на Дархане.

– Слышали мы про это, – отвечал я равнодушно. – И что ж тут особенного? Наковальня, как наковальня, – да еще и есть ли она там? Все говорят, да говорят-то разное: иные сказывают, что она железная, еще будто бы пополам с медью, а другие – просто камень, похожий на наковальню, ну, а кто ее видел? Уж полно есть ли она там?

– Есть ли она там!.. Когда бы не было, так бы и не ковали на ней.

– Да кто же там кует?

– А кто его знает! Слышно только по ночам тук-тук-тук.

– Вот что! Ты слышал?

– Слышал! – отвечал он, замявшись; – да и жертвы бы не стали проносить даром горе, коли бы на ней не было этой наковальни.

Тусулакчи искоса подмигивал, указывая на кундюя, и когда тот отъехал от нас подогнать какого-то отсталого от стада верблюда, он, с усмешкой, обратился ко мне:

– Жертва! Какая это жертва? Человек сотня из хошуна соберутся к горе, да заколют барана, а потом поскачут на лошадях, друг с дружкой сцепятся в борьбу, да и разойдутся. Вот у нас, так другое дело!

– А что у вас?

– А разве не слышали про гору Гентей?

– Слышал, да в толк не возьму; как было-то дело?

– Чингис-хан тут охотился, истомился, пить захотел, а чаши не было; людишки где-то поотстали или растерялись в лесу; вот он и думает, как ему быть? Смотрит, а чаша перед ним, чаша как раз по нем: видно с неба свалилась.

– Ты видел? – спросил я.

Тусулакчи отвечал не заикнувшись: видел! И потом описал ее: будет ведер в 15, сделана из смеси желтой и красной меди и чугуна. Когда в ней приносят жертвы, так сам Амбань-бейсэ приезжает, а известно, что только на Хан-оле присутствует он при жертвоприношении. Да еще что говорят? Не надо и жертвы нести, – придут на гору, а чаша уже полна и молока, и чаю, и сладостей; а кто наполняет ее – неизвестно! Только смотрят, на какую сторону перельется молоко, в той стороне и благодать в тот год!

– Подлинно диво! – заметил я.

Гентей – слово маньчжурское, означает *удивительный*; речка Харзиту, составляющая один из притоков священной у монголов Толы, берет начало из нее. Онон и Керелун, славный рождением и первыми подвигами на берегах его Чингисхана, вытекают из Гентейского хребта, из гор Телерцзидаба. Обе реки, потом, уходят на восток и составляют вершины Амура; Керелун, под названием Аргуни (Эргуне по-монгольски), соединяется с Шилкой, и служит границей между Россией и Китаем.

Степь еще не успела вполне развернуться, разгуляться; туманная полоса, давно вырезавшаяся на ярко освещенном восточном горизонте, мало-помалу определялась, принимала формы и образы отдельной горы по мере того, как мы подымались все выше и выше, приближаясь к ней; караван наш расположился у подошвы, под ее затишьем, на ключе Боро-худжир. Кумирня, в которой приносят молитвы и жертвы горе, осталась невдалеке, позади нас.

От самого Дархана до Шара-шароту, дорога пересекается частыми увалами; почва все еще взволнована небольшими горными отрогами; только у станции Шара-шароту вид более степной: грунт земли хрящеватый, дорога – чудное природное шоссе; трава плохая; возле лежащее озеро солоновато и скудно водой; все это принадлежности Гоби.

У станции Шара-шароту такие бедняки нищие, каких мы еще не видали; а что за юрты у них, что за юрты!

Здесь пошли скучные, томительные переговоры с китайскими приставами, напомнившие горькие переговоры у Иро и не совсем приятные в Урге: шла речь о дороге. Надо сказать, что еще прежде отправления миссии, наше правительство сносилось с китайским, относительно перемены дороги. *Трибунал внешних сношений* уведомил, что впредь миссии наши будут отправляемы по *лучшей* дороге; но когда мы приехали на место, где дороги расходятся, — одна на аргалинские пески, почти непроходимая, другая, составляющая купеческий тракт, — китайские пристава объявили, что станции для нас выставлены на первой, по примеру прежних лет, и когда я сослался на отзыв *Трибунала*, пристава очень равнодушно отвечали, что эта-то дорога и есть *лучшая*. После продолжительных споров, я объявил, что скорее вернусь назад, чем поеду по аргалинской дороге; они должны были согласиться; впрочем, послали гонца в Ургу, с уведомлением обо всем случившемся. Мы жили на месте двое суток, пока распоряжались о переноске станций с одного пути на другой; казаки стреляли турпанов и куликов на озере, а мы собирали халцедоны и сердолики, которых здесь много.

Лошади наши могли также любоваться видом этих камней, за неимением травы, и, конечно, отдали бы все эти сокровища за несколько сажень порядочного пастбища, да и сами мы дали бы несколько мешков лучших сердоликов за ведро хорошей, пресной воды. Вода, правда, не отвратительна, — бывает хуже, — но все-таки достаточно солона и горька.

На половине дороги от Шара-шароту до Кесек-байшина, верстах в девяти от первого, влеве, поворот на аргалинскую дорогу, по которой ходили прежние миссии; это едва заметная тропа, ведущая прямо в гору, по кочкам и пескам, — грустное предвестие тяжелой, служившей предметом мучений для миссии дороги через Дурму. Мы были рады-радехоньки поскорее миновать ее.

В Кесек-байшине является гряда гранитов; издали увидели мы ее, но не могли распознать, что это такое? Развалины ли некогда существовавшего города, — настоящего города мы не могли предполагать в Гоби, леса — также: словно иззубренные или покрытые кустарником стены. Вид этого гранита напоминает гряду гор, которая обходит наше Колыванское озеро в Южном Алтае. У подошвы гор стоят развалины какого-то здания, которое, по словам монголов, построено при Чингисхане и служило ему крепостью. В полу-горе нашел я кусок медной зелени. Полоса агатов и сердоликов не прерывается.

Тут открыли мы прислонившиеся к горам, под их защиту, три вяза, тощих, но довольно высоких. Для нас, две недели не видавших зелени деревьев, это было приятное явление. Я удивился, как уцелели эти деревья без всякой охраны в степи, где дерево ценится так дорого и где оно не могло не соблазнять нуждающихся в нем. После узнали мы, что их хранит не столько суеверие монголов, которое обратило эти деревья в жилища духов, сколько сострадание, самое поэтическое. — «Никто не посмеет обидеть их, — отвечали мне монголы: они сироты в этой стороне!» — Сострадание к сиротству, столь свойственное человеку, особенно заметно на Востоке; но как могли эти деревья укорениться здесь, как не вытоптал, не изглодал их скот, — это, действительно, непонятно.

Гранитная гряда идет далеко на восток и запад, как видно потому, что ее встречают и на аргалинской дороге и на западной, почтовой. За ней тянется беспрерывная степь; но около станции Саин-кутул показываются опять гребни.

Где же Гоби? Что такое, наконец, Гоби? Но сколько я ни спрашивал монголов, они называют *гоби* всякое место, где есть трава сули и где солончаки; таким образом, один переезд — Гоби, а далее — просто степь, там опять Гоби, и опять степь. Если хотите, с третьей станции от Урги уже начинается довольно бесплодная, глинистая, покрытая мелким щебнем почва, сквозь которую едва пробивается тощая трава, а местами, как от станции Кесек-байшин и до Саин-кутула, и такой травы почти нет, но тут небольшая разница; воды проточной, кроме маленьких, во время дождей образовавшихся ключей, нет нигде; лесу, за исключением кое-где торчащих вязов, тоже нет. И так, по этому общему характеру, можно, пожалуй, с третьей

станции от Урги обозначить Гоби; но скажут: тут есть еще горы – Дархан с его отрогами. Эти изолированные горы разбросаны почти по всей Монголии, более или менее в дальнем одна от другой расстоянии. Китайцы эту часть Монголии, только в обширнейшем значении (от Боир-нора и Далай-нора до западной части Ордоса), называют также в разговоре Гоби; но в географии их она известна под названием Шамо, что означает: *Мо* – название местности, а *ша* – песок, песчаный. Пространство от Ордоса до Восточного Туркестана и Хор-харусу, известно под названием: Да-цзи, т. е. великая песчаная степь, какое название она вполне заслуживает по ее сыпучим, глубоким пескам.

Монголы говорят, что от Шара-шарату можно считать Гоби. Но уже от гранитного хребта, где мы нашли три вяза, природа принимает вид неприязненный, тощий, угрюмый. Травы почти нет, воды в колодцах очень мало, степь необозримая кругом; только на Тугурике степь несколько позеленее и не так печальна и суха.

Верстах в трех от Цаган-тугурика, прекрасная кумирня в тибетском вкусе, с террасой наверху и возвышающимся над ней усеченным вторым этажом. Эта кумирня напоминала мне несколько развалины нубийских храмов; вероятно, вид степи, окружающей ее отовсюду, навел на это сближение. Кумирня сама по себе далека от того, чтоб сравнивать ее с нубийскими храмами; но все-таки очень красива; испещренная яркими красками и резьбой, она весело рисуется на ясном горизонте.

Тут агаты исчезают и появляются яшмы, очень разнообразные.

Вскоре, по выходе из Тугурика, мы встретили китайский караван, уже прошедший большую часть Гоби; он походил на раненую птицу, которая, рея и рассекая воздух одним крылом, другим судорожно взмахивает по временам, чтобы не упасть; так и видите, что если упадет она, то уже не подымется. Караван едва влочился: то облегчал одного верблюда, перекладывая ношу с него на другого, запасного, то оставляя совсем изнуренного на попечение монголам, или выменивая от них за двух-трех слабых одного свежего; возчики с нетерпением расспрашивали нас, скоро ли начнется трава? – Мы, пока, шли бодро; скот был благополучен, выражаясь по-монгольски. Сухари, правда, надоедали всем и мне они были не по вкусу, несмотря на то, что я зубы свои преел на сухарях. Без увеличения можно сказать, что я большую часть зубов изломал об сухари. – Верблюд и сухари! Часто мне слышится наяву рев первого и чудится вкус прокислых сухарей на языке. Кстати, о сухарях: это предмет чрезвычайной важности для всякой экспедиции в пустынные края, и потому на него должно быть обращено все внимание начальников экспедиции. Всякому известно, как вредны заплесневевшие сухари; но может быть не всем известно, что если они дурно засушены, то, по времени, в них появляется род красноватой плесени, в который ученый Пеен (Payen) открыл присутствие микроскопических грибов, известных под именем *oidium aurantiacum*; эти грибки чрезвычайно ядовиты, и только нагревание хлеба до 140° может совершенно и безвозвратно истребить зародыш их. Мы советуем всем путешествующим принять к сведению замечание Пеена, не только как ученое открытие, но как имеющее важное практическое применение.

Глава VII

Переход от Халхасцев к Сунитам. – Деревья в степи. – Ирень – привал и соленое озеро. – Ураган. – В Чахарах опять появляется трава. – Степь становится привольней. – Посещение монгольской юрты.

Переезд от Цаган-тугурика до Удэ велик – верст 45; к тому же и дорога под конец довольна холмиста; само слово Удэ означает ущелье, ворота, образовавшиеся между двумя горами. Эта последняя станция у халхасцев. Тусулакчи, провожавший нас, зашел проститься, получить обычные подарки и сдать нас на руки сунитским провожатым; мы не очень о нем жалели: он был далеко не так приветлив, как ургинский. Сунитские монголы несколько опрятнее, вероятно потому, что богаче; выставляемые для нас юрты – из белых кошм, одна ли две из них даже довольно нарядные.

Гошун – *горький*, название урочища, где мы остановились. Гошунов много в Монголии, потому что множество колодцев с горькой водой; этот, для отличия, называют Гензиген-гошун, т. е. *горький у песчаной косы*.

В окрестностях станции есть еще несколько вязов; мы пошли посидеть под тенью их, полюбоваться зеленью деревьев, которых так давно не видали и еще нескоро увидим, послушать, что говорят эти вязи здесь, в беспредельной пустыне, они, столь шумящие своими многолиственными, широколиственными ветвями на нашем севере. Издали еще увидели мы, как жмутся они к горам; ветви их начинаются высоко от корня; корень выдался наружу, обгложен верблюдами и торчит, словно обнаженные кости; он рвется вниз, ища в земле пищи и влаги, которой тщетно ожидают иссохшие листья от воздуха, но каменистая почва не пропускает его; пень корявый, грубый, ничем не защищенный, протистоявший натиску бурь и песков и сильно от них пострадавший, – пень почтенный, дающий жизнь многим ветвям, хотя, впрочем, жалкую жизнь. Не житье этим отшельникам лесов, этим уединенным обитателям степей. Послушайте, как уныло шумят их жидкие, мелкие, поблеклые листья! Сражаясь с ветрами, они не знают торжества победы, не в силах отразить нападение непогоды от молодых побегов своих; нет, здешние деревья дико гудят, хлопая полуобнаженными ветвями, как корабль без паруса своими веревками; ветер свищет сквозь них; тут он везде герой и победитель, свободно разгуливающий по безбрежным степям и диким воплем торжествующий победу. Наслушался я его песни; отдается она и теперь у меня в ушах.

Монголы вполне сочувствуют грустному положению этих деревьев и не трогают их; кто срубит ветвь, да принесет домой, на того обрушатся все печали, из каждого листка разовьется беда, из каждого прутика гибель. Монголы испестрили их разноцветными лоскутками, из которых иные с молитвами, другие, кажется, просто повешены для красоты, и эти лоскутья перешептываются жалобой с листьями, поражаемые вместе с ними песком и ветром. Особенно два дерева, выросшие из одного корня, которые здесь, как и у нас, в Малороссии, называются братьями, особенно эти пользуются ласками монголов; от одного к другому протянут шнур, как бы для того, чтобы связать их еще больше между собой; на шнурке навешаны хадаки, лоскутки, бараньи лопатки с молитвами *ом-ма-ни-пед-мехом* или заклинаниями, словом, все свидетельства монгольского к ним почтения и любви. Еще с десятков деревьев, ушедших в небольшое ущелье, образовавшееся от разрушившегося кварца, красиво открашенного железным окислом, – еще-таки эти живут несколько порядчнее, под каким-нибудь приютом, под чьей-нибудь охраной, а уже десятков других, имевших неосторожность выйти в степь – самые жалкие; тут их бичуют с утра до ночи бури и пески. Непостижимо, как еще могли они взрости; хоть бы купой росли, все бы общими силами противостояли непогодам и охраняли друг друга; а то их разбросало как бедных странников на безбрежном море-океане. Вот и теперь несколько порослей думают подняться вверх, но их ломает

и коробит, и торчат одни голые прутья или побеги, состарившиеся приземистыми кустами, между тем, как в других местах, они разрослись бы ветвистыми деревьями.

Бедные деревья! Как не жалеть о них, и что мудреного, что монголы окружили их таким состраданием и почтением! Еще бы немилосердная рука человека коснулась их, на которых напали все стихии. Почтенные деревья, много выстрадавшие, много перенесшие, нельзя не уважать вас. — Долго мы оставались здесь, прислушиваясь к их шуму и говору, но не то говорят они здесь, что у нас, растущие в холе, среди роскошного сада, охраняя корни свои густой жимолостью и гордо возвышаясь над другими деревьями, или в чаще малороссийских дубрав; впрочем, может быть, и знакомое что шептали они, но ветер разносил их говор, или заглушал его, дико гудя в открытой степи, как бы грозясь, чтоб не нажаловались на него.

Озеро Ирень — у самой станции. Оно в окружности до восьми верст, и служит богатым источником добычи соли. Мы проезжали тут уже по осени, после сухого лета, и в озере не было капли воды; дно блестело кристаллической солью, и издали казалось под льдом или снегом. Соль бела и чиста; ее сгребают в кучи маленькими деревянными лопатками: вот и вся операция. Сбыт соли — уже дело мелких китайских торгашей, которые забирают ее на месте у монголов; на наши деньги и вес приходится копеек по 10 и 12 серебром за пуд. Когда в озере стоит вода, тогда добыча труднее: соль ломают под водой длинными шестами и она всплывает потом слоями наверх; в то время монголы не так охотно занимаются промыслом, потому что надо ходить по пояс в воде, а это уже составляет большой труд для них, и тогда соли бывает меньше в продаже и, следовательно, она дороже. Обыкновенно же здесь, как и везде, чем жарче лето, тем больше соли в озере.

Ирень — достояние западных сунитов, и каждый из этого хошуна может добывать столько соли, сколько хочет, для себя или для продажи; но никто из монголов постороннего ведомства не допускается к добыче.

Вы, может быть, подумаете, что этот источник промышленности, довольно значительный по запасу соли и по той цене, которую берут за нее, дает средство к значительному улучшению быта, по крайней мере окрестных жителей и небольшой части западных сунитов, — совсем нет! Монголы работают на столько, сколько нужно для того, чтобы достать немного денег для необходимейших потребностей.

Поднявшись с Ирени вместе с солнцем, мы заметили, что оно, выходявшее красным пятном из-за горизонта, не предвещало доброй погоды. Действительно, ветер дул сильнее и сильнее, но это обыкновенное явление в степи; к нему мы привыкли и, бывало, сидим себе покойно в юрте, когда на месте, или верхом, в пути, не обращая на него большого внимания, а иногда даже бродим в поле, прислушиваясь к его гулу. Был час шестой вечера; караван давно расположился на месте (у Борольжи); табун уже напился и бродил в степи, а степь кругом безбрежная; люди варили себе кашу; я спокойно лежал в юрте; вдруг, услышал сильный треск над головой и крик отовсюду; моя юрта покачнулась; средняя подпорка, установленная нарочно по случаю бури, пошатнулась в сторону, повалилась и за что-то задела. — «Держите юрты! Палатки валятся!» Раздалось отовсюду; народ сбежался, но ничего не мог сделать. Буря была такая, какой мне давно не случалось видеть, а я-таки испытал довольно бурь на своем веку, — на море и на суше; целые массы песка неслись с северо-запада и бичевали и ломали что не попадалось им навстречу; тучи летали по небу туда и сюда, ища места, где бы разрешиться, чем были полны, градом или дождем; но бури не давали им и минуты покоя, гоня все дальше. Одна палатка совсем покачнулась набок, ее хотели снять, но налетевший ураган вырвал ее, смял и изорванную отбросил в сторону. Нельзя было оставаться в юрте, потому что все валилось сверху и грозило окончательным разрушением; нельзя было держаться и под открытым небом без какой-нибудь сильной точки опоры; повозки, стоявшие несколько под гору, вдруг зашатались и сами собой двинулись, к общему удивлению.

Сбежавшиеся монголы не знали, что им делать, и без толку суетились около наших юрт. Мы отправили большую часть их к китайским чиновникам и потом любовались, как они, вцепившись за веревки юрт, повисли на них, сдерживая собственной тяжестью утлую основу этих степных жилищ. Колокольчики на повозках звенели, верблюды ревели, суета была страшная, и это продолжалось с полчаса и заключилось проливным дождем, после которого ветер несколько стих. Оставалось поправлять, что успел изломать и ниспровергнуть в короткое время ветер. Пуще всего опасались мы, чтоб не разметало ветром наш табун, и в самом начале бури, не надеясь на монгольских пастухов, послали к ним на помощь своих казаков. К счастью, лошади нашли небольшое затишье в ложбине и, сбившись в кучу, стояли на одном месте, дрожа всем телом и фыркая.

На станции Мингень мы нашли порядочную воду, но травы были все также плохи. Мингень значит *тысячу*, – тысячу ли (несколько более 500 верст) или около этого оставалось до Пекина; это западная Мингень; есть еще восточная, по аргалинской дороге, верстах в 15 от этой.

От Мингенья до Кобура две станции песков, которые служат продолжением дурминских песков, идущих от востока на запад, уклоняясь несколько к северу, и составляющих полосу верст на 200 в длину и верст на 50 в ширину; главная масса их, образующая целые горы сыпучих песков, находится у Дурминской станции, по аргалинской дороге.

Отсюда, от Кобура, природа уже изменяется; степь зеленеет, и если где растительность прерывается опять песками, как, на пример, на долине Цангар, которую некоторые принимают за окончание Гоби, то не на далекое расстояние, верст на 10, – на 15 редко. На следующей уже станции, Хашату-габцал, составляющей границу между Сунитами и Чахарами, природа разворачивается разнообразнее и веселее; начинаются возвышенности, похожие на горы, а не на увалы; травы густы и высоки; повсюду зелено и свежо.

Вид в Хашату-габцале тешит взор, утомленный единообразием пустыни. Это долина, окруженная горами, несколько похожая на одну из горных долин между Кяхтой и Ургой, довольно оживленная кочевьями и стадами; только горы не так высоки; стада не собственные, монгольские, а казенные; эти юрты – юрты военных поселений. Живой воды и тут нет: были два озера, да повысохли.

Восточные Суниты, вместе с западными и 8 другими хошунами, составляют один сейм; главой его Ван восточных Сунитов, который потому называется да-Ван (старший Ван).

Довольные видом зелени и пробудившейся от изнурительного покоя природы, оживленные общим движением и вновь показавшеюся жизнью, а, главное, спокойные насчет корма для лошадей, мы пошли бродить по взгорьям, на которых там и сям торчали юрты.

Навстречу попался монгол, как водится, верхом, в красном нарядном кафтане, правый бок которого он тщательно прикрывал, чтобы мы не заметили прорехи.

– Амур-менду!

– Менду! Откуда идете?

– А что?

– Верно от Цаган-Кереня?

– Почему ты знаешь?

– Еще бы! Я вчера знал, что у него савраска покалечился и что сегодня он хотел приколоть его; я ведь тоже к Цаган-Кереню.

– Вот что!

– А жирен конь? – И монгол посмотрел на нас так лукаво, как будто он насквозь проникнул, и это наблюдение привело его, конечно, на мысль о жирном коне и тех лакомых кусках, которые мы съели, потому что он облизался так аппетитно, так самодовольно, что я не мог далее удержаться от смеха.

– Что, разве не было угощения, разве не потчивали вас кониной? Не уж ли вы от него *с пустым сердцем* и сухим языком!

– С таким пустым сердцем, что и сказать нельзя; ну, совсем без лица идем.

– Ах, он собака, ах, он волк, ах, он старая лисица, скупец этакой! Конь совсем околеваает, он и тут не хочет приколоть. А я еще и новый кафтан надел! – И он торопливо прикрыл дыру на кафтане, которую было выказал в пылу досады. – Вы куда? – спросил он нас, видя, что мы уходили, и, вероятно, желая увлечь нас с собой на поиски жирной конины в какую-нибудь более радушную юрту! Мы указали наудачу одно из соседних жилищ. Монгол с презрением поглядел на юрту:

– Там и куска сыра не добудете, не то – что мяса – и он взмахнул нагайкой и вихрем унесся от нас.

Глава VIII

Монгольские сказания. – Гесер-хан. – Чингис-хан. – О происхождении одного из предков его. – Происхождение монголов. – Место рождения, смерти и погребения Чингис-хана. – Беседы с монголами. – Удобства и неудобства ранних выездов.

Монгольские пустыни почти вовсе не представляют ни памятников, ни мест, освященных воспоминанием. Даже в Киргизской степи вы часто встречаете могилы, так называемые мазарки, с которыми связано чье-нибудь имя, какое-нибудь происшествие или народная сказка. В Монголии, на пространстве пяти сот верст, вы едва найдете развалины здания, укрепления, или, наконец, памятник китайского тщеславия, начертанную на утесе надпись, свидетельствующую, что «в эти неприступные и никем непроходимые места проникло все-сокрушающее китайское войско, на пути к завоеванию Чжунгарии, которой дикие и непокорные орды истреблены непобедимым Сыном Неба.» Не много славных имен осталось в народной памяти. Герой Гесер-хан принадлежит к истории собственно по имени; дела его составляют часть обширной мифологии буддийской: это Геркулес Монголии. Бурхан, избравший тело его своим жилищем, переселился потом в Далай-ламу тибетского, в котором и поныне пребывает. Гесер-хана изображают в буддийских кумирнях верхом на небывалом коне, в сопровождении своего сына и оруженосца с черным лицом.

Имя Чингис-хана скоро также превратится в миф; уже оно окружено таким туманом вымыслов, столько баснословных сказаний приплетено к истории, что сквозь них едва можно отличить настоящий очерк этого необыкновенного человека, которым гордится Монголия и о котором с ужасом вспоминает остальное человечество.

Говоря о монгольских сказаниях, нельзя не рассказать здесь о происхождении одного из предков Чингис-хана; оно очень напоминает собой историю родоначальника царствующего ныне в Китае маньчжурского дома, которую в подробностях рассказал наш русский синолог, к несчастью, так рано умерший, Горский. – История китайская сохранила подобное же сказание о происхождении А-по-си, основателя империи Хитан⁶. Но, прежде чем расскажем о предке Чингис-хана, мы должны передать вам повесть о происхождении или сохранении монгольского племени. Сказки и народные предания то же, что лепет ребенка, который понятен только людям, близким ему. В устах моих вам, конечно, покажутся сухи и холодны эти рассказы, но послушали бы вы монгола, и при этой восточной обстановке окрестной природы, и при этом безусловном отчуждении от всякой положительности и цивилизации, и при этом совершенном уединении, – вы верно увлеклись бы им, подобно мне.

Тысячи за две лет до Чингис-хана, народ монгольский был истреблен другими кочевыми племенами; осталось только два человека – Тугуз и Гиюн и две женщины, которых имен я не помню: они спаслись бегством в неприступные горы Эргене-кун. В этих, обильных травой и водой, привольных для кочевья местах, потомство двух семейств размножилось быстро, и вскоре надо было искать средств выйти из теснин Эргене, которые, заметим мимоходом, вовсе не так неприступны и заперты, как говорит о них сказание. – Потомки Тугуза и Гиюна коротко были знакомы с горным и чугунно-плавильным делом, занимаясь издревле добычей железа; а потому, на общем совете, положено было расплавить гору и тем проложить себе путь из этого ущелья. Навалили огромные костры леса и стали раздувать огонь сотнями, а может и тысячами мехов – и железная гора расплавилась и потекла, образовав свободный проход. В воспоминание-то этого события, в старые времена, в первый час первого дня нового года, кузнецы ковали железную полосу в присутствии самых ханов, а не

⁶ Visdelou, в своей истории Тартарии, на стр. 81, рассказывает, что мать А-по-си увидела солнце, ниспавшее в грудь ее. (Claude de Visdelou. Histoire de la Tartarie. – Прим. ред.).

в ознаменование памяти Чингис-хана, который, будто бы, был в начале кузнецом, как полагают некоторые. Из того, что я уже выше сказал о Дархане и наковальне Чингиса, видно, что монголы смешали эти предания.

Один из эргенинских выходцев поселился со своим племенем, на берегах Онона и Керелуна. – Потомок его, Дунбун-базян, оставил по смерти своей молодую вдову, Алун-гою, происходившую из племени Курлас, и двоих сыновей. Через несколько лет после смерти своего супруга, Алун-гоя родила трех сыновей. Когда родственники Дунбуна стали укорять вдову, она старалась отделаться от них басней, будто бы родила сыновей своих от луча света. От одного-то из этих трех сыновей, по имени Буданчара, произошел в восьмом колене Чингис-хан⁷.

Исугай-Багадур был главой племени *киат* и *наруг*, которое впоследствии к нему присоединилось. Возвратившись однажды домой из своего опустошительного набега, он нашел у себя сына, которого родила одна из жен его, Улун-эке (*Улун* – облако, *эке* – мать). Исугай назвал сына Темушин, иные говорят, в воспоминание убитого им в этом набеге начальника племени, Темушин-ога, другие – в ознаменование крепости сил младенца; Темушин, по-монгольски, значит лучшее железо.

Темушин, принявший впоследствии столь грозное имя Чингис-хана, родился у горы Дилун-балдан⁸, которая находится между Ононом и Керелуном. Он явился на свет с куском запекшейся крови в правой руке.

Дорогой, хотя я и ехал окруженный словоохотливыми монголами, однако, говорил с ними мало: как-то лень было говорить; при покойной и мерной поступи лошади, под небом, от которого не пышет раскаленным жаром, а веет прохладой, невольно увлекаешься мыслью, которая работает чрезвычайно деятельно, пока, наконец, усталая, не спадет на какой-нибудь слишком прозаический предмет, где ей трудно поразгуляться. За то, как скоро мы приходили на место и разбивали и меблировали мою юрту, что обыкновенно продолжалось с четверть часа, ко мне сходились монголы – провожавшие во время предшествовавшего переезда для того, чтобы проститься и получить обычные подарки, новые провожатые, – чтобы поклониться и поднести молочные пенки или даже ходаки, узенькие и тонкие платки, приготовляемые, преимущественно, в Тибете; часто приходил и тусулакчи со своей свитой. Простые монголы садились кружком, на разосланном на земле ковре, а чиновные на складных стульях, на которых боялись пошевелиться и, конечно, весьма охотно опустили бы долу, если бы не удерживало их на этом шатком возвышении чувство своего достоинства. Тут-то, после чашки, другой чая, освежался ум, разнеживалось тело, и разговор тек свободный и непринужденный.

Многим, может быть, покажется странным, диким, положение европейца, которому подобное общество может доставить удовольствие; но я вовсе не скрываю, что оно действительно было мне приятно. Случается, что люди рады сообществу паука, расстилающего свою ткань в углу их одинокой комнаты. Правда, монголы всегда вносили с собой в юрту особую, довольно неприятную атмосферу; но, во-первых, при посещении их обыкновенно открывали верх, что значительно освежало воздух; во-вторых, нечистоплотность монголов имела в глазах моих историческое значение, и я без труда узнавал в них тех же самых, несколько не изменившихся людей, о которых еще Карпин говорит⁹: *Vestes suas поп lavant, pec lavari permittunt, et maxime a tempore quo tomtrua incipiunt, usque quo desmat illud tempus.*

⁷ Mailla, t. IX, p. 3; Hist. de Mong. par le baron d'Ohsson. О. Иакинф выводит несколько иначе родословную Чингис-хана в своей истории. (*Joseph de Mailla. Histoire générale de la Chine ou annales de cet empire, douze volumes, Paris, 1777-1783; Abraham Constantine Mouradgée d'Ohsson. Histoire des Mongols depuis Tchingis-Khan jusqu'à Timour, 1834-35. – Прим. ред.*).

⁸ Это показание монголов подтверждает и Рашид, стр. 106.

⁹ Vrmontms, spec. Hist. lib. XXXI, cap. 4.

Рубруквис, в своем путешествии¹⁰, говорит тоже самое о нечистоте и неопрятности монголов.

Я не мог передать вам всех вариантов преданий, рассказываемых чуть не каждым монголом на свой лад, о происхождении героя Монголии; впрочем, место рождения Чингис-хана почти всеми показывается одинаково; но о месте погребения его устные показания туземцев и письменные историков имеют разногласия между собой.

Мелла¹¹, Гобиль¹² и другие согласуются в том, что Чингис-хан помер, во время похода своего в Тангут, в нынешней Шан-сийской губернии Северного Китая, в укрепленном лагере, на берегах Сицзяня, в округе Чин-шу-чене (по Данвилю между 34°42' широты и 10°18' долготы по пекинскому меридиану).

Еще за год до смерти своей Чингис-хан, которому вещий сон предсказал скорую смерть, назначил после себя преемником Оготая, завещав детям своим пуще всего жить в мире и дружбе между собой. Чувствуя приближение смерти, он позвал своего сына Тулуя, единственного, который в то время находился при нем и своих полководцев и начертал им план завоевания остальной части Китая. Он умер, после восьмидневной болезни, 18-го августа 1227 года, по иным на 66, по другим на 63 году своей жизни, на 22-м году правления¹³. Тело его было вывезено из лагеря тайно, чтобы неприятель не узнал о кончине человека, которого одно имя стоило целой армии; всякий, кто встречался на пути, был предаваем смерти, по словам иных, для того, чтобы не распространял роковой вести, по словам других для того, чтобы отправлялся вслед за своим повелителем на службу его. – Чингис-хан был погребен, по сказанию историков, на одной из гор Бурхан-Калдуна, из отрогов которых выходят Онон, Керелун и Тола¹⁴. Говорят, он сам указал это место, попав сюда однажды, во время охоты, случайно и пораженный величественным видом его. Гора впоследствии заросла густым лесом и сам след могилы Чингиса исчез, и показывается монголами совершенно различно. Но не так нам рассказывал один из благородных потомков его, наш умный тусулакчи: – Не в горах, а в широкой степи похоронили его. На три дня пути кругом стояли войска и сторожили, чтоб никто не подсмотрел, где положили тело героя; убили и тех, кто рыл его могилу, и тех, кто провожал его; на месте ее пустили тысячу лошадей, чтобы притоптали и сгладили равнину, и сам след могилы исчез бы навсегда от потомства, которое, в озлоблении, восторжествовав, наконец, над победителями, могло бы поругаться над прахом Чингиса.

Во всяком случае, цель достигнута и, конечно, никто в Монголии не может указать, где именно схоронено тело Чингиса?

¹⁰ Voyage en Tartane, chap. IX.

¹¹ История Китая, Т. IX.

¹² История Чингис-хана, стр. 25-63.

¹³ История Юаньского дома о. Иакинфа, Джами-ут-Теварик (*Рашид ад-Дина – Прим. ред.*) и другие.

¹⁴ Марко Поло (изд. Бержерона. Кн. I, гл. XIII и след.) говорит – на Алхае, что довольно близко сходится с показанием других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.